

Артем ТИХМИРОВ

КОМПЬЮТА КОТОРОЙ НЕ

Артем Тихомиров

Комната, которой нет

publicant

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156041

Комната, которой нет: Корпорация «Сомбра»; М.; 2006

ISBN 5-91064-013-5

Аннотация

Проклятие семьи Черновых превращает в ад не только их жизнь, но и жизнь всех, кто им близок. Нечто, не принадлежащее этому миру, все чаще является им в кошмарах и наяву, то в образе страшного сгорбленного старика, то в виде ребенка, с черными, как ночь, глазами. Чудовище, питаясь их страхами и отчаянием, постепенно приближается к границе, отделяющей привычную реальность от царства теней и голодных духов. И вот в квартире Черновых на стене начинает проступать дверь. Дверь в комнату, которой нет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	50
Глава 4	66
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Артем Тихомиров

Комната, которой нет

Моей матери – за стойкость.

Моим друзьям – за понимание.

Глава 1

Ольга увидела, что одна из кабинок свободна, самая дальняя из четырех, и пошла к ней. Захлопнула дверцу, задвинула щеколду. Поставила три целлофановых пакета на пол, сняла с плеча сумку, швырнула ее на кафель, села на крышку унитаза. Пот ручьями тек по лицу, по шее, груди и спине. Кожа была горячей, перед глазами плясали черные точки.

Ольга чувствовала, как в голове возрастает кровяное давление. Платье промокло настолько, что можно было выжимать. Еще немного, и она упадет в обморок. По телу волнами расходилась слабость.

Ольга прислонилась плечом к боковой стене кабинки. В глубине ее большого живота опять началось движение. Плод дернулся, и это вывело Ольгу из транса. Она с ужасом подумала, что умирает. Во влажной горячей глубине ребенок толкнулся опять, уже сильнее. Ольга схватилась за живот и тихо заплакала. В соседней кабинке зашумела вода, стукнула

унитазная крышка, зацокали каблуки, а потом зажурчало в кране. Ольга смахнула слезы со щек, вытерла глаза тыльной стороной руки.

Она не успела добраться до дома, хотя очень спешила. Движение в животе началось неподалеку от торгового центра «Уральский», в тот момент, когда до остановки автобуса оставалось метров тридцать. Поняв, что с минуты на минуту может произойти катастрофа, Ольга бросилась в единственное место, где можно было укрыться. Туалет на четвертом этаже, рядом с кафе, название которого выпало из головы, стал единственным оазисом в раскаленной городской пустыне.

Слезы побежали снова. Измученная до крайности, Ольга поняла, что рожать придется прямо здесь. Плод шевелился, толкался локтями и коленями. Можно было вообразить себе бабочку, готовую разорвать оболочку куколки и вылезти наружу. Но у Ольги в голове крутились картины пострашнее.

Сидя на унитазной крышке, она едва удерживалась от крика, которым хотела выразить весь свой ужас, возмущение, непонимание. Все это неверно, неестественно, Ольга никогда не могла о таком даже помыслить.

Над городом висел зной, от асфальта поднимались волны раскаленного воздуха, запах газов окутал центр города целиком. Солнце пекло, в тени зашкаливало за тридцать пять. Она помнила, как шла от метро «Площадь 1905 года», помнила напряженные потные лица, круговерть возле входа в

магазин и открытую враждебность со стороны прохожих. Впрочем, это могло ей почудиться. Возле угла улицы Вайнера Ольга остановилась, чтобы достать из сумки темные очки, однако у нее закружилась голова. Ей пришлось встать рядом с павильоном и сделать вид, что разглядывает компакт-диски. Взгляд при этом был остекленевшим, она ничего не видела перед собой и чувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Ольга собрала последние силы и, вдыхая густой горячий воздух, пропитанный пылью, вышла в пешеходную зону. Ускорила шаг, думая, как сядет в автобусе на свободное место, и жара уже не будет ее интересовать. Беременной уступят, даже если народу будет много. Тогда ее мысли и прервало ощущение, что плоть внизу живота разрывают на куски. Здравый смысл вкупе со страхом удержали ее от того, чтобы немедленно проверить, не отходят ли воды и не закричать. Тут и возникла мысль о туалете. «Уральский» был рядом.

Ольга не могла вспомнить, как добралась до четвертого этажа. Возможно, она просто вырубилась по дороге, продолжая идти. На каждом этаже приходилось пересаживаться на следующую линию эскалатора, и длилась эта пытка бесконечно. Откуда-то у нее взялись силы не показывать, в каком она находится состоянии. Живот потяжелел за минуту в несколько раз, пока Ольга стояла на эскалаторе. Заболела поясница, загудели ноги – они держали на себе такой груз, что чудом не подломились.

Это все практически забылось, едва Ольга попала в кабин-

ку. Нет, подобного везения просто-напросто не бывает. Она искала выход из положения, *другой* выход, который бы позволил ей как-то выпутаться из ловушки, но понимала, что ей все равно придется остаться здесь. Схваток еще не было и, возможно, они не начнутся в ближайшие часы.

Тогда, может быть, она успеет добраться до дома.

Ольга положила руки на живот. Платье едва не трещало по швам, чудом только не разорвалось, натянувшись на этом чудовищном вздутии. Трепыхание прекратилось, ребенок не подавал признаков жизни. Ольга не замечала, что слезы все еще текут у нее по щекам. В эти три дня произошло очень многое, и очень многое она помнит не слишком отчетливо. Беременна она была не только этим сгустком плоти, но и ужасом, который угнездился у нее в мозгу. Там, в голове, тоже росло чудовище.

Ольга вынула платок, вытерла лицо, мысленно взвешивая свои шансы. До дома ехать минут десять-пятнадцать, но роды могут начаться прямо в автобусе. Это было ужасней всего. Она не переживет этого кошмара, потому что и так стоит у опасной черты.

Что же делать?

В туалет вошла какая-то женщина и направилась к кабинке, в которой спряталась Ольга. Соседние были пусты, но невидимая обладательница резких духов почему-то дернула именно последнюю дверцу.

Ольга прижала платок ко рту, не сводя глаз со щеколды.

Женщина дернула пару раз, сильно, и отошла. Скрипнула соседняя дверца, Ольга поглядела вниз и вбок, заметив черные туфли на низком каблуке. Женщина присела на унитаз, слышался звук льющейся мочи. Невидимка шумно дышала. Ольга остро чувствовала ее злобу и раздражение. Беременность сделала ее восприимчивой к чужим эмоциям, особенно негативным. Так же было и на улице, когда Ольге казалось, что каждый второй провожает ее ненавистным взглядом.

Ольга поняла, что заперта здесь надолго.

Она закусила зубами скомканный платок и зажмурилась.

Женщина из кабинки рядом вышла. Ольга почувствовала себя лучше. Точно выдернули из руки пчелиное жало.

Она встала с крышки унитаза, и живот моментально дал о себе знать, потянув вниз. В ее сознании не было ни малейшего намека на то, как все должно происходить. Как сумеет она оказать себе помощь и справиться с главной проблемой – незаметно выйти отсюда?

Ольга начала осторожно поднимать подол платья, но оказалось, что довести его до груди непросто. Мешал живот. Она достигла середины, уровня пупка, и застряла. Надо что-то делать, пока не поздно. В сумке есть одежда, джинсы и майка. Они пригодятся потом. А платье придется разорвать, иначе от него не избавиться. Ножниц у нее с собой нет, поэтому лучше о них и не думать.

Ольга приступила к операции, боясь, что у нее не хватит

сил распороть даже один шов. Впрочем, одного-то будет достаточно.

Ребенок, чувствуя давление на живот, шевельнулся. Ольга стиснула зубы и попробовала разорвать платье с правой стороны. Сшито было на совесть. Ребенок, кажется, сделал кульбит, а в промежности возникла такая резкая боль, что она чуть не закричала. Дыхание перехватило. Ольга напрягла мускулы, ткань начала расползаться рядом со швом. Послышался негромкий треск. В туалете раздались голоса, громкие, возбужденные. Две женщины захохотали. Пошел запах пива. Ольга остановилась. Ноги у нее дрожали, стояла она в неудобном положении. Пришедшие начали справлять нужду и одновременно разговаривали, словно соревновались, кто кого перекричит. Ольга воспользовалась этим, чтобы сделать трещину в ткани шире.

Давление на живот ослабло, плод успокоился. Капля пота, скопившегося на подбородке, сорвалась и покатилась по животу. Так, платье разорвано наполовину, теперь можно снять. Ольга стянула его через голову и опустилась на закрытый унитаз.

Она осмотрела себя, не веря тому, что видит. Тело изменилось: живот, еще сильнее распухший за эти несколько минут, налившиеся груди, угловатые бедра... Что осталось от фигуры, лелеемой диетами и упражнениями в фитнес-клубе? Немыслимо...

Гораздо трудней было свыкнуться с мыслью об одиноче-

стве. В крошечной кабинке в туалете огромного торгового центра ей придется родить своего первенца.

Ольга отгоняла эти сумасшедшие мысли как могла. В конце концов, она борется здесь за свою жизнь – лучше думать именно об этом.

Ольга стянула трусики, наклоняться было тяжело, живот словно набили крупными булыжниками. Трусики насквозь промокли, но пока это был только пот. Она села передохнуть, теперь голая, не считая обуви.

Она расположила пакеты и сумку так, чтобы закрыть обзор со стороны входа. Заодно каждому будет ясно, что кабинка занята. Ольга с трудом вспоминала, какое барахло лежит в ее багаже. Мысли перепутались, мозг пробовал выработать тактику действий на ближайшие несколько минут, чтобы как-то подготовиться. Что за чем нужно делать во время родов? Нужна вода, но ее нет, кроме той, что в унитазе. Ольга вспомнила о полторалитровой бутылке минералки, положенной в один из пакетов. Бутылка кстати, ничего не скажешь. Ольга достала ее и поставила с правой стороны возле стенки. Затем вынула упаковку с салфетками и два банных полотенца. Коробку с тампонами. Анальгин и аспирин в бумажной упаковке. Подумав, Ольга убрала аспирин в сумку. Она слышала по телевизору, что он разжижает кровь, а значит, ей не подходит. Пуповину, видимо, придется перегрызть зубами.

Ее замутило при этой мысли. Слезы пришли снова.

Не переставая плакать, Ольга подняла крышку унитаза и села на холодный фаянс. Ничего почти не видя, достала из сумки пилку для ногтей и обмотала ее носком. Когда ребенок полезет наружу, она ни в коем случае не должна кричать.

Ни при каких обстоятельствах, какая бы боль ни была.

Вспоминались рассказы о женщинах, рожавших в одиночестве в лесу и в купе поездов. Тех, кто скрывал свою беременность и производил детей на свет, не привлекая внимания.

Ольга, конечно, не думала, что попадет в их число. И вообще в число будущих матерей в ближайшие три года. Абсурдность происходящего еще не полностью была осознана ею. Сейчас она не испытывала ничего, кроме ужаса. Он потрясал ее миропонимание, коверкал чувства и мысли. Ольга ощущала, что понемногу уплывает из этого мира в неизвестность, вниз по течению в неуправляемой лодке.

Она сидела и ожидала момента возобновления схваток. Когда же стало казаться, что тревога все-таки была ложной, ее скрутила такая боль, что Ольга чудом не потеряла сознание.

Она сунула в рот пилку, обмотанную носком, и сжала зубы. В промежности точно взорвали гранату. От усилия в челюстях затрещало. Глаза Ольги полезли на лоб, череп, казалось, сейчас лопнет.

Кислород в легких кончался. Если она не будет дышать, то умрет. Говорят, при родах необходимо дышать правильно,

чтобы облегчить процесс. Ольга не имела представления, как должно быть правильно, ей нужно было просто вдохнуть.

Поле зрения заволокла красная пелена. Надо дышать... Болевой спазм пошел на убыль, Ольга запрокинула голову к потолку и вдохнула раздутыми ноздрями. Слезы текли по щекам вперемешку с потом, все тело дрожало. Она расставила ноги, чувствуя, как плод идет к выходу и сокращается матка. Теперь появилось ощущение, что ее распирают, таз расширяется, чтобы пропустить детскую головку.

Ольга застонала, зажмурившись. Пути назад нет, потому что оно уже шло на свободу полным ходом.

Раздался громкий всплеск, когда воды хлынули в унитаз, и Ольга уловила слабый пока запах крови, характерную вонь высвобождающейся от бремени плоти. Матка сжалась еще раз. Ребенок рвался в мир с невероятной скоростью. На грани обморока, пребывая в каком-то болевом трансе, где даже ужас был не так силен, Ольга подумала, что такие быстрые роды убьют ее. Так не бывает. Должно пройти, по крайней мере, три часа, даже четыре, чтобы обойтись без осложнений.

Да о чем же здесь думать, когда еще три дня назад никакой беременности у нее не было? О каких биологических законах? Сама мысль о том, что она рождает неизвестно кого, не укладывалась ни в какие рамки.

Живот стал меньше, воды отошли полностью, жидкость с журчанием уходила в унитаз. Ольга посмотрела, что там

происходит, и увидела, что внизу темно от крови. Ее запах пропитал всю туалетную комнату. Сейчас произойдет самое страшное.

Новый приступ боли заставил ее удариться виском о стенку. Она сжимала свой самодельный жгут, уже не чувствуя челюстей. Неизвестно, каких усилий ей стоило не завопить.

В туалет кто-то вошел, открыл кран, начал умываться.

Ольге казалось, что она сходит с ума. Нижняя часть тела должна давно лопнуть от такого давления. Неужели все так и бывает? Сколько там разрывов окажется во влагалище, неизвестно, но, судя по боли, кровь будет прибывать. Ребенок продавливал себе путь, расширяя шейку матки. Ольга начала тужиться, прислушиваясь к журчанию в унитазе. В этом звуке даже было что-то мелодичное, какая-то мрачная поэзия.

Невидимка закрыл кран и вышел.

Плод проходил все дальше. Тело Ольги непроизвольно задергалось, она издала вздох-стон, дышать, кажется, было нечем, будто из помещения выкачали весь воздух. Волны боли скручивали ее в узел, однако Ольга нашла откуда-то силы встать с унитаза. Внутри него все было забрызгано кровью.

Она присела, и ребенок стал выходить быстрее. Кровавые пятна появились на полу. Ольга попыталась абстрагироваться от своих ощущений, все еще подсознательно соблюдая осторожность. Эту часть натуры победить было невозможно. Теперь ее действиями руководили инстинкты. Она ухвати-

лась за головку ребенка и стала тянуть. Влажные дрожащие руки соскальзывали с черепа, покрытого редкими темными волосами. Ольга присела ниже, потому что так было легче.

К сожалению, это происходило наяву.

На свет появляется ее первый ребенок, который не должен был родиться так, нарушая все законы природы и здравого смысла. И она, мать, до сих пор жива, вопреки логике.

Ольга вытянула его голову, и стало значительно легче. Маленькое окровавленное тело выскочило наружу без труда. Ольга опасалась, что он закричит и уж точно выдаст ее укрытие, созовет сюда весь четвертый этаж.

Было по-прежнему больно, но эта боль уже не лишала ее способности здраво мыслить. Тело получило мощную встряску, выйдя из положения относительно легко. Впрочем, пока стопроцентной гарантии нет.

Ольга сидела на корточках, держа своего ребенка на руках, и рассматривала его. Ничем особенным он не отличался от обыкновенных младенцев, только выглядел каким-то неживым. То есть он был жив, но почему-то не издавал ни звука, а только шевелил руками и ногами. Ольга удовлетворилась осмотром. Хорошо, его молчание им обоим на пользу. Она положила ребенка на пол, выплонула пилку для ногтей, встала на колени и наклонилась, чтобы перегрызть пуповину. Так было неудобно. Тогда Ольга села, расставив ноги, и подумала, что можно использовать для этих целей пилку.

Вот, совсем другое дело.

Она встала на удивительно твердые ноги и только сейчас поняла, что по-прежнему в туфлях на высоком каблуке. Кое-чем они помогли ей, когда Ольга сидела на корточках, дали пространство для маневра.

Внутренняя часть бедер покрылась быстро сохнувшей кровавой коркой. Кровотечение практически прекратилось. Боль отступила под напором эндорфинов.

Ольга двигалась почти на автомате, воспринимая окружающее через мутную пленку. Нет, не думать. Действовать. Все вопросы останутся на потом – она слишком устала. Впереди есть еще несколько неотложных дел.

Позже, вытерев руки об платье, Ольга смыла воду в унитазе, достала из сумки баллончик для фиксации волос и обильно разбрызгала его над кабинкой. Может, он перебьет запах крови.

Ребенок так и лежал на полу, открывая рот и не издавая ни звука. Ольга взяла его в руки, испытывая омерзение. Младенец напоминал кусок мяса, под кожей в сосудах пульсировала кровь, тело было студенистым, непрочные кости могли сломаться от одного сильного нажатия. Вот именно – достаточно одного нажатия...

Ольга открыла бутылку с минеральной водой, глотнула несколько раз.

Время идет. Она не может сидеть тут до вечера – это привлечет внимание посторонних. Работы на сегодня еще уйма, нужно приступать к ней немедленно. Перво-наперво нужно

замести следы, а потом выбраться из торгового центра.

Ольга заглянула ребенку под веки, глаза оказались черными. Белков почти не видно.

Она взяла младенца за шею, сомкнула пальцы и стала давить. Ребенок забрыкался, пнул ее в правую грудь. Ольга на секунду ослабила хватку, но потом нажала сильнее. Даже положила младенца на ободок унитаза, чтобы навалиться всем телом. Ребенок умер. Голова его, казалось, от притока крови увеличилась в размерах, черные глаза вылезли наружу и выглядывали из-под пухлых век.

Он больше не шевелился.

Ольга отпила еще минеральной воды.

* * *

Спускаясь по эскалатору с тремя целлофановыми пакетами в руках, Ольга вспоминала кабинку. Ей нужно было быть уверенной, что никто ничего не заподозрит. Повозиться с кровью на полу, конечно, пришлось, но она справилась благодаря полотенцам и тому белью, которое лежало в одном из мешков. В принципе, если не ползать с увеличительным стеклом по кафельной плитке и тщательно не исследовать унитаз, найти что-либо невозможно. Запах крови, который она пробовала заглушить лаком для волос, постепенно выветрится.

Она вышла из туалета, внушив себе, что все теперь зави-

сит от ее способности хранить самообладание. Потные волосы он тщательно расчесала перед зеркалом, чтобы создать видимость порядка, хорошенько умылась, потом чуть подвела бледные губы. Глаза спрятала за темными очками.

Анальгин был не лучшим средством справиться с такой болью, но больше ничем она не располагала. Ольга выпила сразу четыре таблетки. Боль поутихла, по крайней мере, позволяла нормально ходить. Боясь возобновления кровотечения, Ольга использовала одновременно четыре тампона, которые свободно поместились во влагалище. Под джинсами ноги были грязными, но эту проблему она решит дома.

На втором этаже Ольга украдкой взглянула на свое отражение в стеклянной витрине обувного отдела.

Совсем другой вид, совсем другая женщина, а не та странная особа, что появилась в торговом центре сорок минут назад. Живот стянут ремнем, майка выдает увеличенную грудь, но в целом фигура выглядит прежней, как три дня назад. Обследовав себя, она обнаружила полное отсутствие растяжек. Впрочем, на фоне всего остального это было почти нормально. Никто бы все равно не поверил, что недавно Ольга рожала. С признанием этого факта у нее самой были проблемы. Она все еще находилась в шоке. Потрясение отодвинуло ее сознание куда-то на задний план, дав возможность замаскироваться и вести себя «естественно».

Красивая девушка ходит по торговому центру. У нее сумки с покупками, она занята мыслями о том, куда зайти еще.

Зауряднейшая картина.

Ольга увидела себя в стекле и почувствовала, как перехватывает дыхание. Реальность врывается в ее сознание, кричала ей в уши о том, что случилось, долбилась во все двери, требуя дать объяснения. Ольга замерла, ощущая расплывающийся страх. Его нельзя было остановить одним усилием воли, как нельзя остановить морской прилив.

Она отвернулась от витрины и пошла к эскалатору, чтобы спуститься на первый этаж. Самообладание на пару секунд изменило ей. Сдерживая плач, Ольга привалилась к движущимся резиновым перилам. Она ехала так, погрузившись в оцепенение, и чуть не пропустила конец линии. Если бы она упала, то подняться уже не сумела бы.

Неуклюже шагнув на бетонный пол, она увидела улыбку, посланную ей каким-то молодым человеком. Этого еще не хватало. Ольга отделалась какой-то гримасой и, вскинув голову, проследовала к выходу.

В ее пакетах лежало много всего. Собираясь три дня назад к подруге, Ольга ломала голову над тем, что взять с собой, а что надеть. Саша не вмешивался в процесс сборов, не давал советов, зная, что ей это не нравится.

Первоначально она взяла только два пакета. Набиты они были наполовину тем, что не пригодилось и не могло пригодиться, но у Ольги давно завелась такая традиция – брать лишнее. Отправляясь на три дня, она захватила не только смену белья, но и верхнюю одежду. Плюс к тому – шампуни,

кремы, лак для волос, шариковый дезодорант, музыкальные диски, видеокассеты. Это не считая всякого обычного барахла, которое лежало в наплечной сумке.

Третий пакет прибавился после того, как подруга уговорила ее взять босоножки, которые не нравились ей из-за цвета. Зачем было покупать их, Вера не объяснила, так что пришлось Ольге обзавестись дополнительным грузом – третьим пакетом с коробкой. Она, кстати, весьма пригодилась, потому что труп ребенка Ольга положила как раз в нее, предварительно обернув в окровавленное полотенце. Со стороны ничего подозрительного, только вместо босоножек в коробке мертвое тело, но кто об этом подумает? Ребенок поместился отлично. Босоножки отправились составить компанию грязному белью.

У Ольги заныла левая рука. Тело в коробке было тяжелым. Казалось, что с каждым шагом вес его увеличивался. Она переложила этот пакет в правую руку и вышла из торгового центра на улицу. Невзирая на жару, дышать здесь было легче. Не сравнить с тем, что творится на четвертом этаже.

Ольга шла вдоль фасада здания с магазинами, миновала компьютерный салон и свернула налево за угол. Люди торопились ей навстречу, мужчины уступали дорогу, женщины заставляли брать в сторону. Ольга переставляла ногами с размеренностью часового механизма. Ее бросало то в жар, то в холод, по спине будто скользил брошенный за шиворот кусок льда. Где-то в районе солнечного сплетения образовался

твердый комок, причиняющий тягучую боль. Внизу живота пока было спокойно.

Ольга увидела подходящий к остановке автобус и подумала, что не успеет. Надо бы прибавить шагу. Ноги двигались, но, казалось, медленней, чем если бы она семенила мелкими шажками. Автобус уйдет, торопись.

Коробка была страшно тяжелой. Ольга чувствовала себя так, что в пору было лечь на асфальт и умереть.

Она не сумеет объяснить Саше, в чем дело, с чего все началось и чем закончилось.

Но кто ее просит говорить? Он ничего не узнает, если она будет молчать, это же элементарно. Единственный способ сохранить спокойствие и привычное положение вещей – не раскрывать рот. Ольга не знала, хватит ли у нее сил сопротивляться кошмару. Происшедшее с ней может быть не самым жутким. Неизвестно, что произойдет после ее возвращения домой. Через день или два.

Ольга подумала о Виталии и о том, как бы он отнесся к появлению неожиданного ребенка. Как бы он вообще отреагировал на эти события, логика которых начисто сметала привычную жизнь?

Они пробовали завести малыша, но конец попыткам положила смерть Виталия. Три года назад Ольге было двадцать четыре, Виталию – двадцать пять. У них имелись обширные планы на будущее, совместная жизнь, доверительные отношения. Но муж умер, и с тех пор Ольга всерьез не думала

повторить попытку. Саша относился к этой идее тоже достаточно прохладно. Она же считала, что момент не подходящий и не торопилась, понимая в то же время, что сейчас период для зачатия самый лучший.

И вот происходит нечто. Истоков этого кошмара она не знает. Не помнит...

Ольга скроет следы своего материнства, сделает все, чтобы это не выплыло наружу. Она даже клянется. Клянется, садясь в автобус, клянется, занимая место возле окна, хоть и на диком солнцепеке. Зной, если разобраться, не самая главная проблема сейчас. Ольга посмотрела на свои джинсы. Кровь, видимо, больше не шла. Нигде не проступило ни пятнышка.

Она поставила пакеты на пол у ног и поняла, что поступила неверно, неосмотрительно. Выбрасывать труп на помойку где-то рядом с домом – значит навести на след. Нужно выйти раньше на остановку и пройти пешком. Она не может так рисковать.

Подруга ничего не узнала за те двое суток, пока они вдвоем валяли дурака и вспоминали «далекое» прошлое, школьные детство и юность, смотрели дурацкие фильмы и рассказывали друг другу небылицы. Там Ольга принимала душ и могла определенно сказать, что не заметила никаких признаков беременности. До поездки, тем более, она ни с каким странными не сталкивалась. Даже последние месячные пришли точно по графику.

Все произошло, согласно воспоминаниям, после того, как

подруга посадила ее на электричку. Ольга почувствовала недолгий, но сильный приступ тошноты. Можно было объяснить это зноем и пищей с колбасой, приготовленной в домашних условиях, но дальше стало происходить немыслимое. Живот начал разбухать прямо на глазах. Ольга ощущала, как внутри ее тела происходит движение соков, как нарождается нечто, стремящееся обрести жизнь и с каждой секундой растущее.

В каком-то бреду она выбежала в тамбур и стояла там в одиночестве, наблюдая, как под платьем растет чудовище. Больше всего Ольга думала о том, что платье порвется, а переодеться в электричке попросту негде. Вот будет катастрофа.

На ее мозг нашла густая тень. Холодная невидимая рука подтолкнула ее к соседнему вагону, Ольга открыла двери и вошла. За эти несколько минут она изменилась до неузнаваемости и двигалась теперь совсем не так, как было утром. Ходить на высоких каблуках оказалось тяжело. Некоторые пассажиры удивленно косились на нее, а Ольга словно и не замечала их существования. Она села на жесткое сиденье и сразу почувствовала на себе множество взглядов. Должно быть, нечто было написано у нее на лице. Страх. Ошеломление. Отстраненность. В те мгновения Ольга думала, что заработала солнечный удар и ей все это чудится.

В таком странном состоянии, с все еще растущим животом, она доехала до города. Мысли были только о доме.

Спрятаться! Укрыться от посторонних глаз. Придти в себя.

Как будут дальше развиваться события, Ольга не думала, только прислушивалась к тому, что делается у нее внутри. Неизвестно откуда взявшийся плод начал шевелиться. Ольге казалось, что она слышит доносящийся из живота шепот, но, скорее всего, это была галлюцинация. Тот, кто еще не родился, не может говорить, окажись он даже будущим гением.

Естественно, Ольга не знала о таких случаях, когда беременность развивается в течение каких-то минут и живот достигает размеров, подходящих для восьмого или девятого месяца. В ее мире раньше не было подобных нелепиц.

На подъезде к городу Ольга обнаружила, что готова к родам. Об этом сигнализировал ее потрясенный метаморфозами организм. Нужно было ехать домой немедленно. Потом все закрутилось: боль, схватки, торговый центр, туалетная кабинка...

* * *

Оставалось миновать две остановки до нужного места, и Ольга начала выстраивать в мыслях свой маршрут. Дневная жара поможет ей остаться незамеченной. В такую погоду большинство людей сидит по домам. Во дворах жильцы появляются к вечеру. Ольге остается найти помойку и контейнер, где достаточно места. Труп вместе со всем остальным отвезут на свалку, а там его не найдет никогда и никто. Кон-

цы в воду, что называется.

Один из главных вопросов, настойчиво лезущих в голову, касался отцовства. Учитывая обстоятельства, мог ли Саша быть отцом этого маленького гнусного создания? Ответ, скорее всего, отрицательный. Ольга предохранялась и вполне была уверена в эффективности метода, который подбирала по совету гинеколога. Тем более что метод был испытан неоднократно. Еще раз, проверяя все факты, соотнося их между собой, Ольга убеждалась, что права. Саша не мог быть отцом. Тогда дело, возможно, в ее организме, решившем выкинуть такой фортель. Генетический сдвиг, гормональный перекос, мутация, сбой биологических часов – одним словом, некий серьезный разлад, который заставил ее забеременеть. Версия сумасшедшая и объясняет лишь половину всего. Остается открытым вопрос о ребенке. Сейчас Ольга не сумела бы описать его внешность, она помнила лишь отвращение от прикосновения к нему. Словно держала в рукахдохлую кошку.

Что-то скрывается в глубине ее памяти. Какое-то воспоминание за закрытой пока дверью. Именно там, в наглухо занавешенной комнате, где никогда не включается свет, находится отец ребенка.

Ольга не хотела даже приближаться к этой двери. Ужас и так все сильнее давил на нее. Привычный мир смазался, потерял очертания, от него шел мерзкий трупный запах.

Она думала, что не вытерпит, сидя в автобусе в жаре и

духоте. Майка промокла от пота. Пот ручьями стекал из-под волос. Нервы были на пределе. Именно это напряжение и разбредило боль в промежности. Ольга медленно плыла по направлению к обмороку. Вдобавок ей начала мерещиться всякая мерзость. Она посмотрела на тротуар, вдоль которого ехал автобус, и увидела кровь на асфальте. Ее, наверное, выливали целыми ведрами, расплескивали, чтобы покрыть наибольшую площадь, а пешеходы растаптывали кровавые лужи и делали вид, что ничего особенного в этом нет. Ольга рассматривала ноги идущих, покрытые темно-красными брызгами.

Отвернувшись от стекла, она встретила настороженный взгляд женщины, которая сидела лицом к ней в головной части салона. Ольга подумала, что гримаса ее кого угодно может повергнуть в шок, даже несмотря на солнечные очки.

Нет на тротуаре никакой крови. Откуда бы ей взяться?

Ольга уговаривала себя успокоиться, но внутренняя борьба продолжалась. Как вообще можно ни о чем не думать, когда в коробке под ногами у нее лежит мертвый ребенок?

Она опустила голову, будто так надеялась обрести невидимость. Боковое зрение почти исчезло, а потом Ольга на пару секунд все-таки потеряла сознание. Она очнулась и увидела, что в автобусе никого нет и что он едет по совершенно другой улице в другом районе города. Значит, обморок длился не секунды, и за это время трясущаяся машина преодолела гораздо большее расстояние. И Ольга пропустила свою оста-

новку. Она запаниковала, завертела головой в поисках кондуктора, но увидела лишь своего мертвого ребенка, лежащего на сиденье у левого борта. Кусок пуповины торчал из его вздутого живота, ноги и руки шевелились, и не было слышно ни звука. Трупная вонь пропитала все.

Ольга закричала. Она открыла глаза, когда автобус подкапывал к ее остановке. Мертвец все еще был в коробке, в салоне находились те же самые пассажиры. Некоторые встали, чтобы выйти.

Ольга подхватила сумки и пошла к дверям.

Она чувствовала трупную вонь, думая, что мертвец, хоть и наглухо запечатанный в коробке, все-таки начал разлагаться. Даже если это и галлюцинация и запаха нет, необходимо как можно быстрее выбросить тело. Время назад не повернуть, но пусть хотя бы закончится *этот* кошмар.

Надежда на лучший исход, впрочем, была слабой, а вскоре умерла вовсе.

Глава 2

– Игорь, будешь чай?

– М?..

Он открыл один глаз и посмотрел на Лизу, стоящую в дверном проеме.

– Чего?

– Будешь чай или кофе? – спросила она. – И хватит дрыхнуть...

– Люблю я это дело, – сказал Игорь, потягиваясь.

Оказывается, он умудрился заснуть в кресле. Сон никак не хотел уходить из него, хотя встал Игорь двадцать минут назад.

– Так что?

– Крепкий чай. Знаешь, как я люблю?

– Ага. Как прикажете...

Лиза ушла на кухню, а Игорь поднялся из кресла и поглядел в окно. Прекрасное летнее утро – предвестник новой порции жуткого зноя последних дней. Сейчас половина девятого и сравнительно свежо на улице, но скоро температура подскочит до двадцати пяти, чтобы к полудню термометры показывали свыше тридцати градусов в тени.

В такое время не хочется заниматься делами, даже самыми срочными. Лучше всего валяться в постели – и не одному, конечно, – лениво почитывать газетки или детективы в

мягких обложках. Либо пялиться в телевизор. Вчера, например, почти целый день они с Лизой занимались сексом и голышом смотрели дневные сериалы, а когда надоедало, ставили кассету с порнофильмом – и все начиналось по новой.

Игорь считал, что жара повышает сексуальную активность. В его случае это было верно на сто процентов. Не жалуясь на дефицит женского внимания, он, тем не менее, часто засматривался на едва одетых девушек, расхаживающих по улицам. Зной и такое обилие полуобнаженной плоти сбивали его с мыслей, и Игорь начинал чувствовать себя маляком. Увидев сейчас Лизу в шортах, сделанных из старых джинсов, и майке, мало что скрывавшей, Игорь почувствовал взрыв возбуждения. Он обнаружил, что все еще в трусах и что внутри них завелся юркий зверь.

В таком виде Игорь двинулся на кухню, где Лиза готовила завтрак. Она была ниже него, и, подойдя вплотную, он положил подбородок на ее макушку. Обхватил руками туловище Лизы, нашел грудь.

Лиза жевала кусок огурца.

– Ты сдурел? – спросила она с набитым ртом. Толкнула его ягодицами. Игорь прижался пенисом к ее пояснице.

– Не-а... Как раз наоборот. Сударыня меня дразнит, ага?

– Это чем это?

– Откровенными нарядами.

Игорь сунул руку ей в шорты и нашел, что Лиза без белья.

– Вам жарко или тому есть другая причина?

Она показала ему нож, которые резала овощи, Игорь мигом расставил руки.

– Сдаюсь. А что делать с этим? – он кивнул на свои восторщенные трусы.

Блондинка засмеялась и начала наступать на него с ножом. Игорь подумал, что он, в сущности, везучий сукин сын, если сумел найти себе такую пару. Девчонка эта как раз в его вкусе. Беловолосая, голубоглазая, с хорошей пропорциональной фигуркой, не похожей на сухие суповые наборы топподелей. Лизу окружала аура естественной жизненной силы. В первую же минуту знакомства Игорь почувствовал, что все в ней ему близко, каждая ужимка, каждый взгляд и жест. По его мнению, только это узнавание и называлось любовью с первого взгляда.

Ему подходили и ее сердце, и ее плоть.

Везучий сукин сын.

– Могу избавить вас от проблем, товарищ... – сказала Лиза, поигрывая ножом. – Ну?

– Блин, не думал, что связался с убийцей-маньячкой. Придется подыскать другую.

– Я тебе поищу. Смотри!

Лиза замахнулась на него ножом, и Игорь выскочил из кухни.

– Помни, наступит ночь, и мой зверь возьмет свое!

Он заголосил и отправился в спальню за полотенцами и одеждой.

– Иди умойся, только недолго, скоро все готово будет... Да и нечего время терять!

Девушка вернулась к нарезанию огурцов. В салатнице горкой лежали нашинкованные овощи, рядом на столе была банка с майонезом и мытые помидоры. На плите шумел чайник, уже готовый закипеть. Лиза хотела включить радио в маленькой магнитоле, но передумала. У нее было на редкость безмятежное настроение, которое не хотелось портить разной болтовней. Субботнее утро, на работу идти не нужно – черт с ним со всем, она проведет выходные дома, как бывало и раньше.

Жара ей не нравилась, ее кожа не выносила яростного солнца и моментально сгорала, плюс к тому зной высасывал из нее все соки. Лиза не любила пляжей и в этой нелюбви нашла с Игорем общий язык. Она стремилась сохранить свой естественный цвет, не понимая тех, кто стремится быть тем, кем не родился. Оба они, по ее определению, выросли существами домашними. В страсти обустройства по своему усмотрению гнездышко только на двоих, наслаждаться только друг другом им удалось найти общий язык. А уж секс тем паче – вещь, которую она обожала. Не просто занятия любовью, а дикие безумные совокупления со стонами и криками. Лиза была не прочь продолжить вчерашнее и ответила бы на приставания Игоря, если бы не боялась, что он опоздает.

Она забросила в салатницу оставшиеся огурцы и, вооружившись ножом с зубчиками, стала резать помидоры. Сок

потек по рукам.

В ванной зашумела вода. Хотя здесь они с Игорем жили не так и давно – ее дядя только три месяца назад отдал им двухкомнатную в бессрочное пользование – под душем и в ванне им довелось провести немало времени. Заниматься любовью там Лизе нравилось больше, чем где бы то ни было.

Игорь запел – он относился к той породе людей, которые обожают демонстрировать свои вокальные способности под душем. При этом таких «певцов» не заботит, что их таланты, мягко говоря, далеки от совершенства. Лиза прощала ему эту слабость, а он прощал ей другие. Например, привычку раскидывать повсюду одежду и вещи. Игорь постоянно сидел на ее щетки для волос и заколки. Были и еще мелкие, малозначительные щербинки в их образе жизни, в привычках из старых времен, когда они не знали друг друга. Со временем их актуальность упадет до нуля – обоим хотелось на это надеяться.

И уж точно ни заколки, ни щетки, ни песни под душем не помешают им пожениться.

Решение они приняли вчера, когда, мокрые от пота, валялись на кровати, только что закончив новый марафон. Игорь сказал, что лучше, наверное, пожениться. Лиза ответила, что никаких проблем и надо было раньше сказать. Может, первоначально он и шутил, но Лиза говорила всерьез.

– Но эта квартира еще не наша. Вдруг твой дядька не подарит нам ее насовсем? – спросил Игорь.

– Подарит. Он говорил моему отцу. У него на севере трехкомнатная, к тому же наследников нету, всю жизнь холостяк с ветром в голове. Я – его единственная племянница, забыл? Возможно, в наш город он вообще не вернется.

– Хорошо бы.

– Так ты согласен? Ты всерьез? – спросила Лиза.

– Вполне. Блин, почему нет? Ты – моя девочка. И все! – Игорь наклонился над ней и поцеловал в ямочку между ключицами. Лиза глубоко вздохнула, перебирая пальцами волосы у него на макушке.

– Тогда решено. Я не намерена с тобой расставаться – теперь никуда не денешься!

– Сдаюсь! – запищал Игорь, когда она навалилась на него.

– Попробуй только отъехать потом!

– Честное пионерское... Согласен! До гроба! И чего там еще говорят...

– А то, что я тебя старше?

– Ну ведь со мной ты волшебным образом помолодеешь!

Что такое два года?

Лиза завизжала, когда он начал ее щекотать и опрокинул на матрац.

Вспоминая об этом, она улыбалась и думала, что ей крупно повезло. Жилось им, конечно, не так чтобы очень легко и беззаботно. Лиза работала менеджером по рекламе в профессиональном журнале, Игорь перешел на второй курс УрГУ, осваивая профессию математика. Жили они вдвоем на

ее зарплату, его стипендию и родительскую помощь, запросы оба имели скромные. Швырять деньгами не привыкли и не умели, и это помогало им не иметь долгов по газу, электричеству, телефону и отоплению. Летом Игорь подрабатывал в разных местах, в это лето устроился при помощи старшей сестры грузчиком в книжный магазин. Платили явно не по-королевски, но и не гроши, к тому же Игорь имел доступ к новинкам и мог почитывать их бесплатно в перерывах, когда делать на складе особенно было нечего. Кто-то бы посчитал подобную основу весьма шаткой для брака, но Лиза придерживалась иного мнения. Повезло не только ей. Им двоим. Существующее между ними взаимопонимание поможет им в будущем преодолевать трудности, ведь сообща работать над бытовыми проблемами гораздо легче.

Не будь у Лизы уверенности, она не согласилась бы выйти за Игоря, даже несмотря на привязанность и любовь. Невзирая на некий внутренний авантюризм, ей ближе все-таки способность просчитывать ситуацию, по крайней мере, на пару шагов вперед. Поэтому Лиза, не колеблясь, поддержала Игореву идею.

Слушая, как ее парень, а теперь и жених поет дурным голосом, Лиза подумала, что все складывается удачно. Пожалуй, как никогда. Ей стало хорошо и легко на сердце.

Чайник засвистел, требуя к себе внимания. Девушка убрала его с плиты и устроила на подставке, предварительно налив кипятка в Игореву чашку. Бросила туда же пакетик чая.

Потом разогрела сковороду и вылила туда уже взбитые для яичницы-болтуньи яйца.

– Игорь!

– А! – Он не сразу расслышал ее.

– Я жарю яйца!

– Сейчас, иду!

Она знала его привычку – есть яичницу с пылу с жару. К ней у него была маниакальная любовь, впору начать ревновать.

* * *

Игорь любил принимать горячий душ, и чтобы вода хлестала большим напором. Залезая в облако пара, он каждый раз чувствовал, что как будто проваливается в прошлое. Оживали прежние ощущения, возвращались тепло и уют, даже мысли текли по-другому, в иной плоскости. Игорь испытывал блаженство, чувствовал себя стопроцентно защищенным, как бывало редко во взрослой жизни, и мог часами стоять под струями горячей воды, устанавливая связь со своей утраченной Атлантидой. Это напоминало спиритический сеанс, а еще больше – перемещение во времени. Он несся назад по бушующим потокам и останавливался в крошечной гавани, берегами которой служили воспоминания. Ванная комната, душ, мысли об играх, предощущение чуда, чувство свободы. Однажды заснув стоя, Игорь понял, что его рост

стал гораздо меньше, а перекладина, на которой висит занавеска, находится далеко вверху. Ему казалось, что он поднимает глаза и видит себя малышом. Реалистичность видения была потрясающей. Игорь расчувствовался и чуть не заплакал от острого сожаления. Те времена никогда не вернуться – будучи взрослым, он стремительно движется навстречу смерти. Чем Игорь становился старше, тем, казалось, секунды больше ускоряли бег. Жизнь уходила сквозь пальцы. По утрам, на грани между сном и пробуждением, он перебирал эти мысли и испытывал страх, жуткое чувство, что сползает куда-то в пустоту и неизвестность. Тогда Игорь незаметно придвигался ближе к Лизе. Она напоминала ему, что он реален, состоит из плоти и крови и не похож на привидение, которое не может найти покой.

Откуда у него такие мысли в двадцать один год? Нормально ли это? Необходимо ли бороться или оставить все как есть? Он становился старше, да, – и жизнь вытекала из его тела, словно вода из прохудившейся канистры. Игорь не говорил о своих страхах Лизе, они были слишком интимными. На сегодняшний день, во всяком случае, он не готов к подобным откровениям.

Забравшись под душ, Игорь начал прислушиваться к голосам, так часто звучащим в его голове во время «перенесения» в прошлое. Бывало, в раннем детстве мать не закрывала двери ванной, чтобы иметь возможность помочь Игорю намылиться и ополоснуться. В такие минуты, стоя за за-

навесью, он слышал, как мать и отец переговариваются, как в квартире происходит движение. Смеется старшая сестра Ольга, о чем-то рассказывая отцу, мать просит мыть посуду сразу, а не копить в раковине на кухне.

Лиза готовит завтрак, а он тем временем слышит голоса из своего прошлого...

Игорь не осознавал, что шевелит губами, повторяя фразы, произнесенные когда-то родителями и сестрой. Вода стекала у него по лицу, он ничего не видел и стоял с закрытыми глазами, впав в сумеречное состояние.

На этот раз все было не так безоблачно.

Внезапно появилось чувство тревоги, Игорь обхватил руками плечи. Сестра и родители были живы, их голоса не исходили из потустороннего мира, однако Игорь не хотел их слышать. Они нагоняли на него страх. Он натолкнулся вдруг на что-то холодное, мерзкое и неприятное. Ему представилось длинное щупальце, вылезшее из прошлого, из какой-то темной комнаты, и забравшееся ему в голову. Игорь открыл глаза, и сердце заколотилось вдвое быстрее. До его слуха доносились голоса, но в них был страх, даже ужас, непонимание... Нет, Игорь не хотел их слышать.

Он посмотрел на свои руки и увидел, что они принадлежат старику, – большие, грубые, узловатые, суставы похожи на огромные твердые прыщи.

Игорь не поверил глазам. Вмиг все перевернулось с ног на голову. Мало того, лишь сейчас он заметил, что поет, голо-

сит, как любил раньше, идиотскую песню, которую даже не помнит, откуда взял.

Сквозь собственный голос он по-прежнему слышал слова отца и матери, но не мог уловить их смысла.

– Игорь! – позвала Лиза.

Тогда он перестал голосить и заставил себя выдать осмысленный звук:

– А!

– Я жарю яйца!

Да, их запах дошел до его ноздрей.

...Отец произнес какую-то неразборчивую фразу и замолчал. Родители отошли куда-то далеко.

Надо же что-то сказать Лизе, причем бодро и весело. Он вздохнул.

– Сейчас, иду!

Игорь повернул краны, вода перестала течь, последние капли упали ему на ноги и на дно ванны.

Он изучил свои руки, снова ожидая увидеть эти катастрофические изменения. Руки были обыкновенными.

Игорь сжал кулаки и разжал. Хоть в ванной и клубился пар, ему было холодно, мышцы ног словно одеревенели, под ложечкой заныло, как бывает от сильного голода. Игорь ошупал ногти и суставы рук, убеждая себя, что все в порядке.

Просто в его мозгу из-за слишком высокой температуры воды произошел перегрев, и клетки отреагировали таким образом. Галлюцинацией. Ничего страшного.

Кретинское объяснение.

Голос Лизы раздался совсем близко, за дверью, – кстати, тоже незапертой. Игорь от неожиданности прижался спиной к мокрой кафельной стене.

– Слушай, времени уже много, – сказала Лиза.

– Много? Ага... Я сейчас... Да вот, уж вылезаю. Минуту.

Говорить было трудно из-за пульсирующего в горле сгустка боли. Он заболел? Что-то с ним происходит. Среди бела дня вдруг едет крыша, и те голоса, которые он слышал всегда и принимал как должное, оказались реальней, чем обычно. Это уже не игра воображения. Тон голосов изменился, дав толчок к движению в глубинных слоях памяти. Он чувствовал, как сдвинулись со своего места ледники, огромные массы старой информации стали перемещаться и преобразовываться.

Игорь посмотрел, как тень перемещается за запотевшей занавеской. Его рот открылся, челюсть отвисла, словно лицевые мышцы отказались работать.

– Лиз, ты где?

Он надеялся, что в голосе не проявился тот ужас, который навалился на него сейчас.

– В комнате, переодеваюсь...

Тень была, и принадлежала она не его невесте.

Игорь откинул занавеску, брызги полетели на пол и на коврик перед ванной. Он увидел приоткрытую дверь, рассеивающийся пар – и ничего больше. Игорь соскочил на пол,

схватил полотенце и начал вытираться. Руки дрожали, он заставлял их делать нужную работу, пока не одержал верх. Контроль над телом восстановился.

Лиза не увидит его растерянным и испуганным. Этого нельзя допустить. Игорь посмотрел на свое лицо в зеркало, взял расческу, уложил влажные волосы назад.

Успокаиваемся и приводим себя в порядок. Так, все отлично... Игорь надел трусы, шорты и майку. В ванной никого не было. За чью-то тень он мог принять густые клубы пара, перемещавшиеся по комнате. Так бывает.

Чушь собачья, ясно как день.

Игорь вышел из ванной, повесил полотенце на леску, протянутую в коридоре, и сел за стол на кухне. Солнце смотрело в окно, бросая пятно яркого света на дверцу холодильника. Под люстрой кружили две мухи, Игорь понаблюдал за ними, раздумывая, взять газету или нет. Потом решил, что пусть пропадут пропадом. В конце концов, он проголодался и намерен заняться завтраком.

Очень интересно получается. Игорь не помнит, чтобы пел во время своего «общения» с призраками. Чем это можно объяснить?

Обычно его ум не допускал ничего, что выходило бы за рамки сугубо рационального мышления. Игорь учился на математическом факультете, где студентам исподволь прививались материалистические представления о мире. Математики признавали лишь то, что укладывалось в схемы и

формулы. Сам Игорь считал себя в большей степени прагматичным реалистом, человеком, которого невозможно убедить в существовании чего-то потустороннего. Из этого следовало, что он не обязан верить в разную иррациональную брехню.

Игорь жевал яичницу, но та не лезла ему в глотку.

Если пробовать найти объяснение происшествию, то дело, скорее всего, в мозге. В подобных вещах всегда виноват мозг. Плохие сны, галлюцинации, дежа вю, обман зрения – все это имеет один источник.

Игорь царапнул вилкой по дну тарелки. У него возникли проблемы с восприятием – иного объяснения быть не может. Прямо скажем, новости не из приятных.

Тень за занавеской, казалось, до сих пор стоит у него перед глазами.

Игорь отправил в рот кусок яичницы. Появилась Лиза, пройдя мимо, коснулась его плеча. Он улыбнулся. Лиза положила ему в тарелку немного салата и бутерброд с колбасой. Игорь механически поблагодарил. Девушка с молчаливым вопросом взгляделась ему в лицо, заметив необычную бледность. После душа Игорь всегда напоминал румяного пупса, а сейчас его скулы и щеки будто молоком залили. Вдобавок он прятал глаза, словно в чем-то провинился.

Лиза начала есть, перебирая в уме возможные причины.

Может, она что-то не то сказала? Где-то перегнула палку? Нет, вроде бы, они шутили обыкновенно, это было частью их

манеры общения с самого начала.

Нет, Игорь думает о чем-то ином.

– В общем, не говори моим предкам ни о чем, ладно? – сказала Лиза через несколько минут молчания. Игорь, казалось, спал с открытыми глазами.

– М?.. – он посмотрел на нее, жуя бутерброд.

– Про нас!

Лиза нахмурилась, не понимая, в каких небесах он витает и в чем вообще дело.

– А, конечно, не скажу. Пусть они потом получат от нас такой подарочек.

– Вот именно. Слушай, ты чего?

– Ничего...

– Ты бы себя видел в зеркало, – сказала Лиза. – На чело- века не похож.

– А на кого?

Игорь растянул губы в улыбке, но глаза так и остались без выражения, словно две стекляшки. И холодными. Лиза почувствовала мурашки на спине.

– Ты заболел? Плохо тебе? Игорь? – она положила свою руку на его пальцы и обнаружила, что они холодные. – В чем дело?

Игорь рассмеялся.

– Нет, Лиз, все нормально, честно, нормально все, – он развел руками и встал из-за стола, чтобы положить посуду в раковину. – Все в порядке. Ладно, я пошел одеваться, время

поджигает.

Игорь убежал из кухни, оставив Лизу в еще большем недоумении. Она посмотрела на кружку с чаем, оставшуюся нетронутой, и поняла, что он соврал. Игорь пошел принимать душ нормальным, а вернулся таким, словно его стукнули пыльным мешком. Что-то случилось в ванной, пока он мылся, так получается? Лиза слышала его бодрый веселый голос, ясно дающий понять, что у Игоря отличное настроение, и тут вдруг такое. Всего несколько минут – и резкая перемена.

Аппетит пропал. Лиза отодвинула тарелку, отпила кофе, который сделала себе.

Лучше бы Игорь никуда не ездил. Такое ощущение, что он чего-то боится.

В чем, собственно, проблема? Всего-то и помочь ее отцу кое-что перевезти с дачи домой. Займет все это часа четыре, и большая часть времени уйдет на дорогу. Из-за этого, что ли, Игорь вышел из себя?.. Вот именно, «вышел из себя», оставил тело, а сам находится невесть где.

Лиза вошла в их спальню, где царил беспорядок. Она собиралась сделать уборку после отъезда Игоря.

Он прыгал на одной ноге, пытаясь натянуть черные джинсы, и еще не просохшие волосы сбились в колтун. Игорь посмотрел на свою невесту из-под мокрой челки.

– Что, опаздываю?

– Нет пока.

Застегнув джинсы, Игорь надел майку навыпуск, расправил ее. Нет, что-то в его лице Лизе совсем не нравилось. Она никак не могла сформулировать главный вопрос, так, чтобы Игорь не психанул, не обиделся или не сделал еще чего-нибудь. Он никогда не повышал на нее голоса, поссорились они всего дважды по незначительному поводу и без труда помирились вновь. Их совместная жизнь была бесконфликтной.

Сейчас же она думала, что Игорь способен взорваться.

Лиза представила себе трещину, пробежавшую по стеклу вертикально, и ей сделалось жутко. Она не видела причин для такого поведения.

Вот Игорь засмеялся над своей же шуткой, а ей показалось, что проскрипела несмазанная дверная петля.

– Ладно, я побежал.

– Ты чаю не попил, – сказала она.

– Потом, потом, не хочу.

И это притом, что чай был для него еще одной слабостью, стоял на втором месте после яичницы-болтуни.

Лиза не хотела его отпускать. Можно было объяснить отцу, что сейчас Игорь занят, пусть не обижается, так получилось, он поможет ему в следующий раз. Никогда в жизни у нее не появлялись дурные предчувствия такой силы.

Игорь пронесся мимо нее в коридор, сел на потертое трюмо и начал надевать ботинки. Лиза встала в дверном проеме. Теперь Игоря не остановить и никакие увещевания не помогут. Он решил вырваться из дома, пользуясь возможностью,

и исполнит свое желание. Расспрашивать его о том, что произошло в ванной, бесполезно, в ход снова пойдут шуточки и непринужденный тон.

Лиза разозлилась. Она надеялась, что Игорь заметит выражение ее лица, но он был занят только ботинками, как будто в них заключался смысл его жизни. Подступили слезы. Лизе удалось предотвратить их победное шествие. Не хватало сейчас разреветься. Надо успокоиться и подумать.

Игорь встал, посмотрел на себя в зеркало и поцеловал Лизу.

– Ну, передам привет от тебя.

– Ладно.

– Не будь такой серьезной, а то я начинаю думать, что тебя подменили... настоящую Лизку украли у меня из-под бока, а подсунули пришельца...

Она скорчила гримасу, высунув язык.

– Очень смешно! Иди уж, остряк...

Игорь засмеялся, подхватил своей велосипед и вышел на лестничную площадку. Послал Лизе воздушный поцелуй, потом побежал вниз, напевая.

Девушка захлопнула входную дверь, впервые подумав, что дело может быть в романе на стороне. Нереально? Почему же? У него смазливая физиономия, высокий рост, атлетическая фигура, хотя он и не накачан, а в университете полным-полно сексуально озабоченных студентов. Что там происходит во время занятий, Лиза, в принципе, не знает,

поэтому все может случиться.

Но Лиза в это не верила.

Причина его состояния в чем-то другом.

* * *

Игорь сел в седло, оттолкнулся и покатил вдоль газона, борясь с искушением обернуться. Балкон был обращен во двор, и Лиза часто выходила наружу, чтобы посмотреть на удаляющийся велосипед. Обычно Игорь приветствовал свою девушку взмахом руки, но сейчас проигнорировал эту традицию. Ему не терпелось быстрее исчезнуть. Через несколько метров деревья скрыли его, Игорь углубился в прохладную тень.

Он крутил педали не замечая, как делает это, с отработанным автоматизмом.

Ну допустим, у него опухоль в мозгу, которая заставляет его видеть и чувствовать не то, что есть на самом деле. Это плохо, нет, это попросту катастрофа. Рак не предупреждает о своем появлении и начинает действовать, когда вполне набрал сил. Воображая себе сгусток сошедшей с ума плоти в своем мозгу, Игорь покрылся ледяным потом. На будущем можно поставить жирный крест.

Рассмотрим другую гипотезу – и она касается не будущего, а его прошлого. Сегодняшнее прикосновение к забытым эпизодам из детства не могло быть случайным. Игорь подо-

зревал, что в недрах памяти назревает переворот. С каждой минутой он все сильнее убеждался, что неизвестный механизм возвращения завелся и тащит его назад. Или же он сам нечаянно включил эту машинку – своей глупой ностальгией и сантиментами.

Налицо только один неоспоримый факт. Видения в ванной уходят корнями в прошлое. В своем исследовании воспоминаний Игорь наткнулся на нечто такое, что заставило его споткнуться. Он налетел на торчащий из земли гвоздь и упал в яму, скрытую густо растущими сорняками. Толком не успев рассмотреть, что там, на дне, больно ударившись и испугавшись, Игорь выскочил наружу. Вот на что это было похоже.

Какое еще выражение лица могла увидеть Лиза? Ему было стыдно за свое поведение, но действительно – требовалось некоторое время, чтобы придти в себя. Такие вещи сходно невозможно объяснить другому человеку, когда даже сам не имеешь ответов на половину вопросов.

Поездка к будущему тестю оказалась весьма кстати. Игорь постарается проанализировать все, что с ним случилось, разложить проблему на составляющие. Подойти к ней как к алгебраической задаче, что ли. Представить в виде уравнения.

Игорь надавил на педали сильнее, велосипед полетел по тротуару, где почти не было людей. Несколько метров рядом бежала собака с волочащимся по земле поводком, но потом она свернула влево, а Игорь направо, к выходу со двора.

Там он чуть не столкнулся со стариком, стоящим у бровки тротуара.

– Эй, – воскликнул Игорь. – Куда?..

Старик смотрел на него, улыбаясь, показывая желтые зубы. На нем были джинсы и майка навыпуск. Спина сторблена, кадык торчит, словно клюв. Игорь развернул велосипед и притормозил с желанием отчитать старикана, лезущего прямо под колеса. На самом деле – создание это возникло из воздуха, безо всякого предупреждения.

Старик смеялся, Игоря передернуло. Он открыл рот, но решил, что лучше убраться подальше. Ему не нравились морщины старика, мешки под глазами, желто-серая кожа и жиденькие волосы, эти водянистые выпученные глаза и скошенный, мелко подрагивающий подбородок дегенерата.

Игорь развернулся и помчался прочь, вспоминая свои руки в душе, какими они стали уродливыми. Что было бы, посмотри он на себя в ту секунду в зеркале? Узловатые, покрытые пятнами руки исчезли, а на их месте возникла физиономия старика, улыбающаяся. Ком тошноты моментально подскочил Игорю к горлу, ему пришлось сжать зубы и дышать глубоко, подавляя рвотный позыв. Во рту было полно слюны.

Солнце светило прямо в лицо. Игорь некоторое время почти ничего не видел впереди. Велосипед ехал сам привычным маршрутом, а ездок пытался обрести контроль над собой.

Было чувство, что его затягивает в какую-то дыру, что

невидимая сила так и влечет в затемненное место. Напоминало о прошлом, где пряталось нечто плохое.

Где же искать ответ? Как ему вспомнить? Причина не в раке мозга и не во временном помешательстве, тут можно было поставить точку. Он нормален, насколько вообще можно быть нормальным. Воспоминания вызвали сдвиг в пространстве, приоткрыли полог, впустив в настоящее часть прошлой жизни... которую Игорь не помнит. Что, собственно, у него сохранилось из детства? Душ? Ощущение тепла и уюта? Только эти воспоминания были яркими, остальные стояли в отдалении, за запотевшим стеклом, из-за которого Игорь не мог их рассмотреть. Странно, он раньше об этом не задумывался. Если разобрать, достаточно глупо – помнить свое влечение к принятию душа и пропускать остальное. Дни рождения, поездки за город, посещения парков... да мало ли еще всего? В двадцать один год детство занимает ровно половину жизни, а от него у Игоря не осталось почти ничего.

Осознав, что стоит лицом к лицу с необъятной страной сумрака, Игорь испугался не на шутку. Он бросил взгляд назад, поняв, что прошел над пропастью с завязанными глазами, и ему повезло не упасть. Запоздалый страх начал долбиться ему в сознание. Снова возникло длинное гибкое щупальце, пытающееся проникнуть в его голову.

Старик появился рядом с ним, Игорь заметил его боковым зрением и повернул голову влево.

Урод стоял у края тротуара и скалил зубы. Выпученные

глаза, теперь очень знакомые, стали яркими, точно фонари. Старикан кивал, улыбаясь.

Игорь понял, что его сносит в сторону, посмотрел на дорогу и с трудом выровнял велосипед, чуть не налетев на женщину. Она шарахнулась в сторону. Когда Игорь повернул голову опять, старика не было.

Колесо велосипеда попало в выбоину в асфальте, Игоря бросило вперед, он ударился о руль и полетел кувырком.

Глава 3

Альбина Зубова вошла в квартиру и поставила сумку на тумбочку. Судя по тишине и отсутствию запахов с кухни – муж часто готовил сам, не дожидаясь ее, – Илья еще не вернулся – значит, задержится на работе.

Это означало, что у нее есть пара-тройка часов личной свободы, которые она посвятит себе.

Сегодня Альбина шла домой пешком и потратила на это почти тридцать минут вместо обычных десяти на трамвае. Ей захотелось подышать свежим воздухом. День в душном помещении торгового зала ее вконец доканал.

Погода в целом не изменилась, стояла такая же жара, но к вечеру подул свежий ветерок. Стоячий воздух наконец приобрел подвижность, и солнце спряталось за облака.

Альбина прогулялась с удовольствием и по пути зашла в магазин, чтобы купить пакет кошачьих консервов. Как раз тех, которые любит Мося, ее любимица, существо, с которым у нее без проблем находится общий язык по всем вопросам.

А вот и сама полосатая зеленоглазая красотка, спрыгнула с полки секретера, где обожает спать, и бежит встречать хозяйку.

Кошка была необычно красивой, Альбина когда-то заплатила за нее немалые деньги, дав мужу повод ворчать на месяц вперед. Мося была покладистой, аккуратной, незлой. Ни

разу за три с половиной года она ни на кого не зашипела и не поцарапала, хотя их отношения с Ильей оставляли желать лучшего. Мося смирилась с тем, что хозяин не питает к ней такого расположения, как хозяйка, поэтому вела себя с ним осторожно. В большинстве случаев Илья и кошка смотрели друг на друга как на давних противников, между которыми подписано соглашение о перемирии. Альбине не понимала, почему так происходит. У мужа не было аллергии на шерсть, он хорошо относился к животным в целом, но вот с Мосей почему-то не подружился. С другой стороны, это в характере Ильи, человека замкнутого, живущего в мире собственных идей. Вероятно, ему не требуется поддержка со стороны. Даже, скорее всего, не требуется. Ни от человека, ни от животного.

Иногда Альбина замечала, что он смотрит на нее так же, как на Мосю. Смотрит и будто не видит. Трудно понять, какие мысли бродят в его голове. Пытаясь подойти ближе, Альбина наталкивалась на стену, которой Илья огораживал свое личное пространство, и часто спрашивала себя, зачем они вообще поженились. Зачем она вообще выскочила замуж так рано? Имелась ли в том какая-то необходимость?

В общем, Мося была ее спасательным кругом. Милое сердцу создание, умеющее слушать. Часто в ее глазах было столько понимания, что становилось не по себе, будто кошка умела рассмотреть такие дальние рубежи ее сознания, о которых сама Альбина не знала.

Альбина сбросила туфли и присела погладить Мосю. Кошка мелодично мурлыкала, поднимая хвост трубой, и терлась о ее ноги.

– Как поживаешь? Хорошо? Ну, раз тебе хорошо, значит, и мне... – сказала Альбина.

Пройдя на кухню, она увидела, что кошачья мисочка пу-ста, вылизана до блеска.

– Подожди, я разденусь и дам тебе поесть.

Мося мяукнула.

– Пару минут, имей терпение.

Вот чего еще ей не нравилось в Илье – пока ему не напомним, Мосю он покормить и не подумает, пусть хоть она с голоду будет умирать. Альбина представила, что вдруг уезжает куда-нибудь на месяц, а по возвращении находит лишь скелет своей бедной кошки, лежащий возле миски.

Альбина открыла балкон и форточки во всех комнатах. Наконец-то появился сквозняк, сдвинувший застывшую массу несвежего воздуха. Потянуло хорошо. Квартира словно ожила, стряхнула оцепенение и перестала напоминать необитаемое жилище. Альбина стояла в балконных дверях и вдыхала воздух с улицы.

Мысли ее настойчиво возвращались к одному и тому же. Не думать об Ольге, не сочувствовать ей было просто невозможно. Слишком многим они связаны с самого детства, Альбина не имеет права закрывать глаза на ее проблемы и не пытаться помочь. Целую неделю на работе бедняжка была сама

не своя, а на вопрос, что произошло, отвечать отказывалась наотрез. Альбина пыталась узнать, в чем дело, применяя все доступные ей методы, и так ничего и не добилась. Ольга замкнулась в себе, заперлась наглухо за высокими стенами, чего с ней раньше не бывало. Еще девочками они привыкли делиться радостями и горестями, и потому такое поведение подруги казалось странным и подозрительным.

И при этом Ольга была испугана. Чуть не до полусмерти.

У нее все отражалось на лице – невзирая на попытки скрыть истинные чувства.

Если причина в Саше, то Альбина ему голову оторвет. Поднять руку на ту, которая чуть не обожествляла его после смерти мужа, в котором видела опору? Преступление! Но в это верилось с большим трудом, Ольгин парень не способен на насилие, тем более на такую власть над кем-либо. Ольга походила на человека, с которого взяли клятву молчания. Это тревожило Альбину сильнее всего. Ну ладно, своего она добьется и заставит Ольгу заговорить – обещание походило на клятву – нужно только выбрать подходящий момент и повернуть нужный рычажок. Вспомнить, как было у них в детстве.

Что она там может скрывать, черт возьми?

У нее осталось нехорошее чувство. Она начала думать, что теряет подругу.

Альбина разделась, сняла белье, набросила на голое тело халат и почувствовала себя лучше. Мося сидела на поро-

ге комнаты и умывалась, поглядывая на хозяйку. Альбина, не задумываясь, напевала мелодийку, которую услышала из проезжающей машины, и искала пояс от халата. Почему-то он оказался под кроватью. Может, кошка с ним играла? Вообще, на ее трюмо вещи были переставлены немного не в том порядке. Хотя такое бывает, не принципиально.

Альбина подпоясалась и пошла открыть Мосе банку консервов. Кошка бросилась вперед и стала мяукать, намекая, что давно уже пора вспомнить о ее существовании.

— Мосечка, Мося, красавица моя, скотинка ненаглядная... — Альбина выложила в миску половину порции, и кошка принялась есть. Жадно.

Посмотрев, как Мося уплетает ужин, Альбина пошла в прихожую за сумкой, чтобы отнести ее в комнату. В спальне раздался какой-то звук. Она остановилась перед дверью, не дойдя трех шагов. Комната была ей видна почти полностью. Но, простите, там же никого нет, как во всей квартире... Альбина выглянула из-за косяка. По всему телу у ней пробежала колючая волна, чуть не встопорщившая волосы.

Кошка на кухне, а тут... Альбина слышала, как что-то сдвинулось на ее трюмо, и вспомнила, что заметила легкий беспорядок.

Ее взгляд переместился в нужном направлении. Она не помнила точно, как все стояло, но была уверена, что баночка с кремом «Нивея» находилась гораздо дальше от лежащего с правого края стайлера. Собственно, звук, который Альбина

слышала, мог быть результатом удара баночки о его металлический стержень.

Альбина вытащила руку из глубины сумки, сжимая в окостеневших пальцах пачку сигарет.

– Мося, кис-кис, Мося... – позвала она негромко. Из кухни донеслось мяуканье, недовольное. Вот чего ее милая кошечка не любила, так это когда ее отвлекают от трапезы.

Какой кошмар, подумала Альбина, не зная, что предпринять. Чем больше она смотрела на трюмо, тем больше чувствовала уверенность в правоте. Крем сдвинулся не меньше, чем на пятнадцать сантиметров.

Полтергейст? Призрак? Ее собственные нездоровые мозги? Сдвиг по фазе? Альбина достала сигарету, все еще стоя на пороге спальни. Рука снова нырнула в сумку, выуживая темно-синюю зажигалку. Вспыхнул огонек, зардел кончик сигареты.

Илья будет возмущаться, что она курила там, где они спят, однако Альбину эта проблема сейчас не волновала.

Она вошла в спальню, чувствуя нарастающее напряжение. Объяснить словами этот странный эффект было трудно, но казалось, что комната пробует увеличиться в размерах, раздувается, словно пузырь, оставаясь в то же время той же самой. Босыми ногами Альбина уловила вибрацию. В углах, еле слышно, потрескивали обои.

Что-то прикоснулось к ее волосам сзади и сбоку – нельзя было сказать наверняка, по-настоящему или нет – и Альбина

вскрикнула, разворачиваясь на пятках. На глазах у нее выступили слезы. Она бросила сумку на кровать, пепел с сигареты упал на ковер.

– Мама! – Альбина выскочила из спальни. За ней будто двигалось нечто живое, подобие воздушного сгустка, невидимое, но осязаемое.

Через пару секунд сгусток пропал.

Она забежала в большую комнату и услышала, как закричала Мося, злобно и пронзительно. Таким ее голос никогда еще не был. Альбина позвала кошку, но та не появилась, из кухни раздавалось низкое утробное рычание, больше похожее на вой. Так животное может орать только сильно испугавшись.

Что-то было в квартире, чей-то взгляд приклеился к спине Альбины, проникал через кожу и плоть, добираясь до сердца. Ни с чем подобным она еще не сталкивалась, тем более у себя дома... – и вообще не была уверена, что не спит в этот момент. Пришла, наверное, усталая, прилегла на кровать поверх покрывала и уснула. Хорошо, если бы все обернулось так.

Кошка так же выла и рычала. Альбина позвала ее вновь, на что та отреагировала новым взрывом злости. Животное словно подменили.

На что Мося реагирует? Кошки очень чувствительны ко всему потустороннему и, может быть, ее реакция объясняется этим?

Альбина сделала затяжку, позволяя пеплу падать на ковер, и решила сделать вылазку на кухню. Мося неожиданно притихла. Она заглянула в дверь. Кошка сидела под батареей, сжавшись в полосатый комок, и смотрела на хозяйку. Глаза были огромные.

– Мося! – Альбина сделала несколько шагов.

Ощущение присутствия не пропало. Она обернулась, отсюда ей была видна дверь в туалет.

– Мося!

Кошка зашипела, показывая все свои зубы, а потом утробно зарычала. Альбина остановилась, испытывая сильное желание бежать. Она бросила сигарету в раковину, та попала в лужицу воды у стока и погасла.

– Мося, ты меня не узнаешь, что ли? Что случилось? Мося?

Кошка попятилась, передвигаясь вдоль стены под батареей. Альбина остановилась опять, вытягивая руки перед собой. В ответ – почти визг, злоба и ненависть. Белые острые зубы, точно кончики гвоздей. Мося вдруг изменила направление. Теперь кошка двигалась в сторону Альбины.

Она видела, каким нездоровым огнем горят ее глаза, в них были странные отблески, будто кто-то смотрел на нее из глубины кошачьей утробы.

– Мося...

Она осеклась, заметив, что кошка изготавилась к прыжку. Уши прижались к голове, тело подобралось, как пружин-

на, и мускулы до предела напряжены. Альбина смотрела на ее пасть, и она казалась ей величиной с гаражные ворота, необъятной. Из розовой глубины вырывался вой.

Альбина развернулась и побежала, надеясь, что успеет достичь туалета и закрыться в нем. Спасаться от собственной кошки! Еще несколько минут назад все здесь было нормально, она радовалась свободе, волновалась за подругу, строила какие-то планы. Все как само собой разумеется. Почему это должно измениться? Сбитая с толку, испуганная, Альбина кинулась к туалету.

Мося была быстрее. Одним прыжком животное оказалось у нее на спине, она закричала, втягивая голову в плечи, и когти вцепились ей в шею. Кошкины клыки воткнулись в скальп над ухом.

Альбина закружилась на месте, схватила кошку за загривок и стала дергать, чтобы оторвать от себя. Мося шипела, кровь потекла по ключице. Она схватила кошку за лапы и с трудом оторвала от себя, животное дернулось, выгнулось и вонзило зубы в мякоть между большим и указательным пальцем правой руки. Альбина завизжала. Она взмахнула кошкой и бросила ее на пол изо всех сил, не думая, что та может покалечиться или убиться насмерть. Но по-другому было нельзя.

Мося вскочила и снова бросилась на хозяйку, но на этот раз девушке удалось поймать ее на лету, сжать шею и грудь. Мося извернулась и опять укусила ее, за что удостоилась но-

вого броска – об стену.

Не дожидаясь третьей атаки, Альбина открыла туалет, включила свет и влетела внутрь. Едва щелкнул шпингалет, как в дверь ударилась взбешенная кошка. Когти заскользили по лакированному дереву.

Альбина не своим голосом закричала, чтобы она перестала это делать. Пожалуйста, пусть только перестанет! Так продолжалось довольно долго, вопли и удары с наружной стороны чередовались, будто животное и хозяйка старательно разыгрывали сценку на двоих.

На несколько минут Альбина потеряла всякую ориентацию во времени и пространстве. Когда удары стихли, замолчала и она.

Разум и нормальное восприятие возвращались, но с трудом, словно им требовалось преодолевать какие-то препятствия.

Халат оказался забрызган кровью и распахнут на груди. Раны на шее и голове саднили, но были, судя по всему, неглубоки. Гораздо хуже шок, в котором она пребывала. Ее трясло так, что Альбина не могла даже нормально дышать, и часть произошедшего просто-напросто выпала из памяти. Она плакала навзрыд и разглядывала свои руки. На правой рана хуже, клыки проделали четыре неровных отверстия, подвижность большого пальца уменьшилась. Место укуса успело опухнуть.

Альбина постаралась высосать скопившуюся кровь. Мог-

ла Мося подцепить бешенство сидя дома и никуда не выходя? Иди, может, это из-за того, что она часто летом гуляла на балконе?.. Или... да мало ли что? Все равно хуже некуда.

Альбина вспомнила происшедшее в спальне. Там двигалось что-то невидимое, неопишемое обычными словами. Она чувствовала прикосновение к себе, словно холодную руку из пустоты, хотя прекрасно знала, что рядом не было ни души. Только потом Мося принялась кричать. Что-то постороннее напугало ее до смерти, и в результате кошка не сумела признать хозяйку. Кто знает, может, она считала, что просто защищается?

В квартире призрак.

Нет, они могут быть где угодно, но не здесь! Да их вообще не бывает в природе.

Альбине вытерла глаза рукавом халата. В груди раздавалась барабанная дробь.

– Мося! Мося! – ее голос звучал слабо.

С той стороны ни звука – наверное, с кошкой что-то случилось.

Альбина ощутила жалость, страх и стыд, виня себя за происшедшее и притом понимая, что не могла сама спровоцировать у животного такую реакцию.

– Мося! – Альбина прислонилась к двери, пытаясь что-нибудь услышать.

Какой-то шорох раздался позади нее, и она, повернувшись, чуть не упала. Мося сидела на унитазной крышке и

скалилась.

– А... – сказала Альбина. – Откуда ты здесь?

Кошка прыгнула ей на лицо, вцепилась когтями и зубами, и Альбина завопила во все горло. Боль ее ослепила, собственный крик оглушил. Она заметалась по маленькой комнатке, замахала руками, ударяясь о стены и полки, висевшие над унитазом. Посыпались на пол какие-то вещи. Ей на язык попала собственная кровь...

...И она с воплем проснулась, сев на кровати с выпученными глазами. Вой кошки стоял у нее в ушах, и будто со стороны Альбина видела до сих пор, как животное раздирает ей лицо.

Она принялась ощупывать скулы, щеки, лоб. Ни боли, ни ран, ни крови – только гладкая кожа. Ровным счетом ничего. Альбина осмотрела себя, обнаружив, что сидит на кровати, одетая в халат. На нем тоже не было ни одно пятнышка.

В тишине тикал стоящий на тумбочке будильник. Прошла целая минута, прежде чем Альбина смогла наконец пошевелиться. Вернуться в сознание оказалось непросто, словно что-то мешало ей перешагнуть черту, разделяющую реальность и мир кошмарных снов. Она забралась на матрац, обхватила колени руками, стараясь быть как можно меньше. Ужас не исчезал. Его воздействие можно было сравнить с сильным электрическим током – Альбину трясло.

Кошки рядом не было. Скорее всего, та до сих пор на кухне – доедает порцию консервов. Альбина закрыла на мгновение

вание глаза. Дышала она тяжело, точно ей пришлось пробежать стометровку, устанавливая мировой рекорд. Капли пота ползли по шее и лбу, раздражая своей медлительностью.

Выходит, ничего на самом деле не произошло? Только сон?.. Эта догадка уже приходила Альбине в голову – во сне, между прочим... Когда она заснула и сколько проспала? Часы показывали без двадцати восемь, значит, с момента возвращения домой прошло всего двадцать минут.

В памяти чего-то не хватало. Иллюзия провала была сильной, почти осязаемой. Что-то потерялось, провалившись в каверну, образовавшуюся в воспоминаниях. Осталось только убеждение, что в квартире появилось нечто постороннее. Потустороннее, если быть точным, и отнюдь не дружественно настроенное. Воспоминание о прикосновении из пустоты выскочило так внезапно, что Альбина задрожала. Запахнувшись в халат, она отползла от края матраца ближе к задней спинке кровати. Нечто искало ее, методично ощупывая пространство, пока не сосредоточило на ней свое внимание. Тяжелый взгляд давил и царапал кожу, вызывая непреодолимое омерзение. Альбине показалось, что нечто пытается говорить с ней, но не обычными словами. Скорее, это были мысли, обретшие вес и овеществленные чьей-то волей. Немые вопросы, беспредметные требования, угрозы. Комната вновь пришла в движение, хотя внешне никаких изменений заметно не было. Передвигались какие-то незаметные обычному человеку грани реального мира, ставшего в одно-

часье головоломкой наподобие кубика Рубика.

Ну, допустим, это призрак, его воздействие. Но если бы Альбина хоть знала, что ему нужно...

Через несколько минут контакт, как ей казалось, немного ослаб. За окном на уровне предыдущего этажа шелестела листва, и в этом звуке Альбина уловила легкий смешок. Чувство причастности к чему-то внеположному пропало. Подождав еще пару минут, Альбина слезла с кровати, ступила босыми ногами на ковер. Он был холодным, почти ледяным. Она прокралась в коридор, постояла, вслушиваясь, подошла к кухне, чтобы проверить, где Мося. Оказалось, кошки внутри нет. Миска опустела, вылизана до блеска. Открытая банка консервов стоит на столе возле раковины.

Альбина провела рукой по мокрому лбу. Ладонь стала липкой.

Пушистый кошкин бок прислонился к ее голой ноге. Альбина втянула воздух сквозь зубы.

– Дура, ты меня напугала!..

Мося, мурлыча, терлась о ее лодыжки. Альбина скривилась от отвращения, не в силах забыть ее когтей и зубов, тот кошмарный звук, с которым Мося билась в запертую дверь туалета. Но ведь этого не было по-настоящему? Причем тут Мося?

– Уходи, – попросила Альбина.

Кошка, разумеется, не поняла и не ушла. Просилась на руки, точно маленький ребенок, смотрела на хозяйку зеле-

ными глазищами.

Альбина попятилась от нее, не сумев убедить себя, что все по-прежнему и кошмары остались позади. Не успела кошка пройти с ней в ванную, как хозяйка закрыла дверь у нее перед носом. Мося не предприняла попытку прорваться силой, просто дважды недоуменно мякнула.

Альбина сидела на краю ванны и плакала. Она ощущала себя ребенком, столкнувшимся среди бела дня с чем-то, что навсегда разрушило его иллюзии. Ее мучили страх и неопределенность. Мир, наполненный солнечным светом, вдруг раскололся пополам, выпуская на волю сгусток ледяной тьмы, который пожрал ее мечты. Бросил ей в лицо всю правду. Невинность не вечна. Рано или поздно каждый становится взрослым, лишаясь части своего «я», но не каждый понимает, что произошло. Именно это открытие способно лишить человека покоя навсегда. Альбина слышала голоса из своего прошлого. Оттуда, из мутной глубины, ползком надвигалось чудовище, не имеющее определенных очертаний и имени, такое знакомое и такое необъяснимое. Альбина знала – ему нужна не только она. Скоро и другие услышат его зов, и им придется решать, как поступить, спасая свои жизни.

Альбина надеялась, что этого не повторится. Ошиблась. Теперь ее собственный дом превратится в тюрьму, в нем будет ни тишины, ни покоя.

Она встала и включила холодную воду в раковине.

Ни следов от кошачьих зубов, ни царапин нигде не видно.

Альбина обследовала свою голову, шею, лицо перед зеркалом и при ярком свете. Так ли она уверена в своей догадке насчет той твари, в глаза которой ей однажды пришлось посмотреть? Может, дело в чем-то другом и не все так страшно?

Логического объяснения у нее не нашлось, а искушение приписать все сверхъестественному было огромным. Именно – сверхъестественному. Она уснула и увидела страшный сон, оставивший после себя множество загадок без ответа. У нее есть слабая надежда, что ужас не вернется. Как было бы хорошо приписать все случайности и выбросить домыслы из головы раз и навсегда.

Она умылась и посмотрела на себя. Капли холодной воды бежали по лицу, скапливаясь на подбородке и падая в раковину. Альбине почудилось, что на нее из зеркала глядит отвратительная старуха.

Глава 4

Федор считал, что осень самое лучшее время года, особенно в сравнении с таким жарким, суетливым и утомительным летом, как в этот раз.

Осень представлялась ему спокойной сумрачной гаванью, в которой можно спрятаться от грохочущего безумного мира. В ней было недоступное другим сезонам достоинство. Неспешность. Задумчивость. В сорок девять лет Федор воспринимал осень как часть своего изначального бытия. Запах мокрой листвы, прохладный ветерок, прозрачное небо и холодное солнышко – это часто снилось ему по ночам. Федор видел себя мальчишкой, шлепающим по лужам в резиновых сапогах, гоняющим на старом велосипеде по пустынным улочкам и стреляющим в голубей из рогатки. Когда это было? Не обманывает ли его память, подсовывая в утешение то, что он хотел бы вспомнить? Федор знал, что воспоминания – странная вещь, ненадежная, однако в этом случае картинки из детства были подлинными.

Наступления осени Федор всегда ждал с нетерпением. В конце лета его начинали переполнять романтические предчувствия, и он обнаруживал у себя симптомы влюбленности. Так ждешь свидания с любимой женщиной, особенно когда ты молод и руководишься в большей степени игрой гормонов, а не разумом. Летаешь точно на крыльях, не замечая

ничего вокруг. Осенью ему дышалось легче, свежий воздух помогал открыть глаза во всю ширь и осмотреться. Отдохнуть. Пока же Федор тешился только миражами, составленными, точно мозаика, из разрозненных фрагментов. До конца лета, казалось, чертовски много времени.

Ностальгия. Он ненавидел это слово, но всецело отдавался во власть воспоминаний. Опасная вещь, если разобраться, особенно сейчас, когда Федор чувствовал все растущее давление. Так может воздействовать на человека только время. Он ощущал, как на него наваливаются годы, которые он потратил на борьбу с обстоятельствами. Усталость, бессонные ночи, бесконечные сигареты, конфликты и скандалы, долгие дни и томительное ожидание – это стало строительным материалом для нарождающейся депрессии. То время не прошло даром, во всех смыслах слова. Кажется, пора сделать остановку.

Завершается какой-то жизненный цикл, а такое переживается непросто. Появляется желание отойти от дел, закрыть двери и окна и отключить телефон. Проще говоря, перевести дух. Впрочем, рано или поздно это произойдет, и Федор задавался вопросом, не ждет ли он удобного момента?

В последнее время его жизнь одно сплошное ожидание.

Вопросов много, тревога усиливается. Колесо поворачивается, и отметка на нем возвращается к тому месту, от которого начала когда-то свой путь. Знаков, указывающих на изменения в его жизни, было в эти беспокойные дни много,

еще больше он, видимо, по невнимательности пропустил.

О знаках и предзнаменованиях Федор вспомнил, когда, подъехав к трамвайной остановке, увидел черную тучку на безоблачном небе. Он случайно взглянул вверх, и в следующий миг в груди ощутимо кольнуло. Тучка была крошечной, но плотной и имела цвет мокрого асфальта. Она стремительно плыла на север в полном одиночестве, шествовала по голубому пространству, словно считала себя его хозяйкой.

Федор вышел из машины и приложил руку к бровям, чтобы не слепило солнце. Тучка удалялась и начала терять четкие контуры. Федор никогда не видел такого. Тучка изменялась стремительно, превращаясь в злобное темное лицо с выпученными глазами, широким ртом, скошенным лбом. Оно смотрело на него, ухмыляясь и показывая кривые зубы.

Федор в недоумении огляделся по сторонам, не смотрит ли еще кто наверх, но люди были заняты своими делами. На небо не поднимали головы даже те, кто маялся от безделья на трамвайной остановке.

Он перевел взгляд наверх и обнаружил, что небо очистилось полностью, его призрак исчез. Если был вообще.

Обливаясь потом, Федор сел обратно в машину, захлопнул дверцу. В груди появилось знакомое жжение, в который раз напоминающее, что не мешало бы пообщаться с кардиологом и пройти обследование. Сердечко пошаливало уже месяцев шесть, однако Федор предпочитал не обращать на это внимания. Потливость, одышку, тяжесть в груди он списы-

вал на обычную усталость, а признать болезнь, тем более подтвердить ее, значило окончательно признать факт, что он стал стариком. Ему же еще пятидесяти нет! Людмила, конечно, ничего не знала. Федор расскажет ей, когда представится случай.

Он сидел и бессмысленно смотрел вперед через лобовое стекло, не помня, для чего, собственно, остановился. Призрачное лицо, в которое превратилось облачко, стояло перед глазами, Федор пытался восстановить как можно больше деталей. Да, когда-то он его встречал, сомнений нет. Черты очень знакомые, отвратительные, почти нечеловеческие. Чувство, будто смотришь в физиономию насекомого через линзы микроскопа. Такое же омерзительное чувство остается.

Федор ударил ладонью по рулевому колесу. Он же остановился купить газету в киоске!

Пришлось выходить из машины, включать сигнализацию и идти через трамвайные пути на противоположную сторону. Федор занял место в конце небольшой очереди, постоял минуту, рассматривая газеты и журналы, и вдруг почувствовал слабость в ногах. Перед глазами почернело. Приступ прошел моментально, он даже не успел ни за что схватиться, чтобы избежать падения. Этого не понадобилось. Потопотделение стало просто чудовищным, ручейки превратились в бурные горные реки. В тоже время чувство того, как влага испаряется с кожи, принесло облегчение. Никто из его сосе-

дей по очереди не заметил бледного лица и испуганных глаз Федора.

Сердечный приступ? Насколько он близко к нему подошел, сквозь пальцы глядя на проблемы со здоровьем? Неплохо было бы отказаться от сигарет, которые были его друзьями и единственным способом снять стресс в течение многих лет. Ну это просто фантастика, небывальщина – не будет ли отказ от сигарет еще одним свидетельством его слабости перед лицом времени?

Паранойя.

Сорок девять, а не пятьдесят, говорил себе Федор, всего каких-то сорок девять. Дочери двадцать семь, сыну двадцать один. Они еще дети, если всерьез посмотреть, значит и он не стар, жена вообще выглядит, словно ей тридцать пять, если не меньше. А проблемы со здоровьем – не новость ни для кого, кто перешагнул рубеж сорока пяти и всю жизнь не особенно обращал внимания, что ест, сколько и что пьет, да вдобавок выкуривал как минимум по пачке в день. Сердце он обязательно проверит, но на это нужно настроиться, выкроить время на обследование, так чтобы не пострадала работа и иметь возможность контролировать процесс. Все это будет, нельзя спешить в подобных вопросах. Необходимо взвесить за и против, посоветоваться с Людмилой, а уж потом бросаться в омут с головой. Первым делом, конечно, бросить курить. Может быть, прямо сейчас, сию минуту?

Федор вынул из нагрудного кармана рубашки с коротким

рукавом пачку «Парламента» и стал вертеть ее в пальцах. Захотелось курить, а ведь до того полчасика он вообще не думал о сигаретах. Рука не поднималась выбросить пачку. Все ясно, начинается выдумывание причин, откладывание на потом... Что с ним происходит? Как же до сих пор он занимается бизнесом, если мыслит такими категориями? Ну, бизнес есть бизнес. Здесь речь идет о нем самом.

Очередь почти закончилась. Федор вынул сигарету и смотрел на нее, словно впервые видел.

Запах манил. Организм требовал никотина. Форменное сумасшествие. Если посмотреть на все со стороны, его проблемы не стоят выеденного яйца – *эти* его проблемы. Он уже чувствовал приближение чего-то темного и страшного, слышал поскрипывание того страшного огромного колеса. Выпрямленного времени никогда не было. Циклы имеют начало и конец.

Лицо Федора исказилось, и он испугался, что продавщица заметит его мученическую гримасу сквозь стекло.

Так, вот и его черед. Федор сломал сигарету, скомкал и склонился над окошком киоска. Он купил пару журналов для себя и жены и несколько газет, половина из которых ему была ни к чему. Его мозг работал в другом направлении и почти не воспринимал реальность.

Федор вспоминал тучку в безоблачном небе, лицо, которое оно ему показало. Много лет назад произошло нечто такое, за что теперь, видимо, им с Людмилой придется рас-

плачиваться. Федор подумал о своих детях и о том, как все несправедливо. В этой истории роль сына и дочери невелика. Его отцовский долг в конечном итоге состоит в том, чтобы защитить их и по возможности ничем не выдать себя. Ольга тяжело переживала гибель Виталия, ее воспоминания еще свежи. Пусть сейчас у нее и Игоря другая жизнь, но в их прошлом слишком много мерзости, и Федор не хотел, чтобы дети к ней прикасались снова.

Но как же ему все рассказать жене? Поделиться догадками, страхами. Как рассказать женщине о дурных предзнаменованиях, когда она только и делает, что ждет плохих новостей? Конечно, может быть, Людмила и сама обо всем догадывается... Знает ли она вообще, что происходит с ней и вокруг них? Федор гадал, как лучше начать разговор и когда, и решил подождать до завтра. Одна ночь ничего не решит. Не надо пороть горячку, это пойдет только во вред.

Расстегнув рубашку почти до самого низа, Федор влез в машину. Включил кондиционер. Газеты и журналы полетели на заднее сиденье. Зазвонил сотовый – Федор схватил трубку, лежавшую на приборной доске у стекла. Бухгалтер одного из трех его магазинов задала ему вопрос, причем такой простой, что с его решением справился бы и школьник. Так Федору показалось. Он хотел накричать на нее, но вспомнил, что эта женщина работает у него недавно, и терпеливо объяснил, в чем проблема, добавив напоследок, чтобы по всем вопросам не обращалась к нему, а звонила непосредственно

директору магазина.

Переведя дух, Федор отъехал от обочины и направился домой.

За деревьями справа стояли длинной шеренгой кирпичные девятиэтажки. Федор посмотрел в их сторону случайно, когда разворачивался, и увидел, что фасад одного из домов занимает та же самая отвратная физиономия. Сердце пропустило один удар, сжалось, Федор чуть не выпустил руль. Физиономия была огромная, великанская.

Снова стало донимать жжение в груди. Машина катила в сторону перекрестка. Федор быстро посмотрел назад. То, что он принял за лицо, было всего лишь балконами.

* * *

Когда он вернулся домой, Людмила смотрела телевизор и ела мороженое. Федор снял туфли, поставил на полочку. Огляделся. Бросил на себя взгляд в овальное зеркало, обрамленное коричневой деревянной рамой. Не так давно у него стала появляться неприязнь к зеркалам, в которых он видел не то, что хотел. Слишком, на его взгляд, был велик диссонанс между должным и желаемым. На Федора мутными глазами измученного работой вола смотрел человек с выдающимся животом, обвисающими щеками и сединой на висках. На скулах выделяются красные пятна, такие же пятна на лбу, и похожи они на свидетельства надвигающейся тяжелой бо-

лезни.

Федор подумал схватить что-нибудь тяжелое и разбить зеркало, вклеить в эту гнусную рожу все свою злость. Он бы это и сделал, если бы была гарантия, что поможет.

Он болен – сомнений нет. Дело, видимо, не только в сердце. С чисто медицинской точки зрения, в нем мог поселиться рак, гепатит, цирроз, туберкулез, и скоро, вероятно, его настигнет инсульт или инфаркт, однако Федор боялся не этого. Он дряхлел по другой причине. Такой болезни ему не найти ни в одном справочнике.

Зачарованный своим отражением, Федор подошел к зеркалу ближе. Перспектива в глубине стекла изменилась. Казалось, позади него длинный коридор, где горит только одна тусклая лампочка. На Федора смотрело потное лицо, и каждая пора напоминала глубокий котлован, заполненный грязной дождевой водой. Черты преобразались, подбородок сдувался, исчезал, губы вытягивались вширь и вперед. Лоб стал словно горка, потом превратился в козырек.

Я? Неужели это я? У Федора сжались кулаки. На него, ухмыляясь, смотрел выродок, животное, вот оно показывает зубы, каждый из которых просто омерзителен. Отражение высунуло язык, и Федор отпрянул.

– Как дела?

Людмила появилась в прихожей с пиалой, наполненной шоколадным мороженым.

Федор наклонился над полочкой для обуви и взял газеты с

журналами. Давление в груди было уже труднопереносимым.

– Нормально, – ответил он, не оборачиваясь. Своего голоса Федор не узнавал. – Никто не звонил мне?

Что за дурацкий вопрос? Хотя...

– Нет, а должны были?

– Ну, дети.

– Нет. Я вчера звонила Игореше, – сказала Людмила.

– Как там дела?

– Отлично, я же говорила. Но он же вроде тебя, никогда не скажет, если проблемы появятся. Так и будет партизанить, пока его к стенке не прижмет.

Федор узнавал эту интонацию человека, который перекладывает, не напрямую, вину на другого, хотя сам чувствует ее гораздо сильнее. В случае с его женой это классическая защитная реакция. Людмила носит в себе комплекс вины, многие годы носит, Федору это прекрасно известно. Иногда его тошнит от отвращения и ненависти к ней. Этот проклятый тон ее голоса! Почему надо сегодня, сейчас говорить так?

Федор протянул ей газеты и журналы.

– Разогреть тебе? Будешь есть?

– Да, минут через пятнадцать, – сказал он.

Вид жены его неприятно удивил, даже испугал. На груди домашнего халата были пятна от засыхающего мороженого, и, кажется, кетчупа. К подбородку что-то прилипло. Взгляд Людмилы был бессмысленным, она смотрела на мужа сквозь полупрозрачную пленку. Неужели он думал о ней и

сравнивал с тридцатипятилетней женщиной? Нет, это ошибка. Людмила вполне подходила для своих сорока семи. В последнее время она перестала так тщательно следить за собой и от постоянного сидения перед телевизором начала раздвигаться в бедрах. Росли живот и грудь.

Федор отвернулся. Ему хотелось наорать на нее. Он чувствовал, что Людмила становится чужой, и, похоже, сама этого не осознает. И дело даже не в ее облике. Пятна и крошки на подбородке – не более чем следствие.

– Игорь собирается к нам приехать? С Лизой? – спросил он.

– Я не спросила, забыла, – сказала Людмила, отправив в рот ложку подтаявшего мороженого. – Почему у тебя такой вид? Ты весь мокрый какой-то. Вспотел?

– Жарко, – сказал Федор. – Скорей бы осень.

Неужели она ничего не помнит и не подозревает? Федор вспомнил, что произошло ночью, и ощутил злость, нет, ненависть. Людмила делает вид, что у них все нормально, хотя на самом деле положение ухудшается с каждым днем. Она профессионал по части зарывания головы в песок и пускания пыли в глаза. Федор мог простить ей многое, но только не ложь.

Да, но пока он ни в чем не уверен на сто процентов.

Беспомощность.

В бизнесе он сталкивался с более серьезными проблемами, с которыми успешно справлялся. А здесь пасует, раз-

мышляет, взвешивает, топчется на месте. Стареет, дряхлеет, распадается не только физически, но и умственно. Его воля мягчает, словно кусок масла на солнце. Скоро превратится в ничто.

– Я разогрею тебе поесть? – спросила Людмила.

Федор вытаращился на жену. Как же он ее ненавидел в эту секунду! Как же он способен любить это существо и заботиться о нем? Неужели он настолько привык обманывать себя и видеть в ней прежнюю Людмилу, от которой в молодости терял голову? Той прекрасной доброй женщины нет. Была ли когда-нибудь?.. Федор подавил вопль. То, что он видел перед собой, было продолжением ужаса, который взирал на него с другой стороны зеркала. Неотъемлемой частью целого.

Русоволосая красавица была, но очень-очень давно, еще до рождения Ольги. Отчасти и до Игоря.

Он сознательно разрушает свою жизнь, разбивает ее вдребезги, это надо прекратить, пока еще хоть что-нибудь осталось.

Людмила держала в руках пиалу, а из-под мышки торчала кипа журналов и газет.

– Разогрей, а я отдохну немного, – пробормотал Федор. Ему стало нечем дышать, и он пошел в спальню, где прилег на кровать и раскинул руки. Сердце не успокаивалось, то и дело пропуская удары.

Раньше у Людмилы был собственный магазин. Она настояла, чтобы муж помог ей освоить свое дело, и, в конце концов, у нее появилась небольшая лавочка по продаже специй. Масштаб мизерный, но для Людмилы это было достижением, осознанием собственной значимости, самоутверждением, которое, согласно ее тогдашним взглядам, требовалось каждой женщине.

Ее хватило на пять лет, да и то – последние полтора года всем в магазинчике заправляла ее давняя подруга, вступившая вместе с ней в права собственности. Когда Людмила окончательно махнула рукой на бизнес, подруга выкупила у нее ее долю и пошла дальше своим путем. А Людмила своим. Женщины больше не общались. Между ними не было конфликтов ни профессиональных, ни личных, но и особой привязанности тоже, они не делились секретами, не сплетничали, не проводили вместе свободное время. Подруга была моложе ее, и думала исключительно о работе, следовательно, не имела ни семьи, ни детей.

Федор к поступку жены отнесся нормально, к ней у него не было претензий. Когда она была заинтересована в деле, то вела его честно и умело. Просто пропал интерес. Разонравилось так разонравилось, решил Федор и спросил, чем она хотела бы заниматься, и Людмила ответила, что подумает, то-

ропиться не хочет. По правде говоря, Федор чувствовал, что продолжения не состоится. Он слишком хорошо ее знал. С магазином была куча проблем, и бизнес не всякому по душе. Втайне Федор был рад, что жена оставила это трудное и даже опасное занятие. Людмила вновь стала домохозяйкой, и ее размышления по поводу того, каким делом заняться, длились уже четыре с половиной года. Чем дальше, тем больше обоим становилось ясно: активная деловая деятельность Людмилы в прошлом.

Она помогала детям, вела домашнее хозяйство, иногда по просьбе Федора подключалась к каким-то незначительным его делам. Ольга и Игорь выросли, сын даже успел отслужить в армии и поступить на математический факультет. Дочь потеряла мужа и, кажется, вновь собирается сменить фамилию. Игорь, возможно, слишком неподготовлен к такому шагу, но у него все впереди. Так что внуков пока нет. Накопленная годами энергия не растрочена, не имеет выхода. По сути дела, Людмила не видит впереди никакой цели. Федор понимал, что в такой ситуации, именно в такой, человек начинает оглядываться в прошлое. Но лучше бы Людмиле этого не делать. Учитывая ее возрастные изменения и перестройку организма, влекущую за собой сдвиги в психике, ни к чему хорошему это не приведет. Федор принимал ее позицию, но не понимал. Может быть, потому, что видел все в реальном свете, а не жил фантазиями и чувством вины, как его жена. Людмила выстроила в своем сознании сложную систему оборо-

нительных сооружений, которые способны были лишь ненадолго сдержать ее отчаяние и разрушение. Федор видел, что происходит с ней так же четко, как то, что происходит с ним. Ему было страшно. Его ненависть к Людмиле вспыхивала все чаще, он чувствовал дистанцию, которая все увеличивалась, и искал способ сблизиться снова. В конечном итоге, если они не будут держаться вместе, то просто погибнут. Федор любил ее несмотря ни на что. Сегодняшнее видение, все эти мелкие детали, создающие общую картину упадка, ничего не значат. Как можно обращать на них внимание и в чем-то винить ее? Они давно не говорили по душам, накопили множество нерешенных проблем, однако это не будет продолжаться вечно. Федор надеялся, что скоро все измениться. Пришел момент сделать выбор. За их спинами вырастала старая знакомая тень, та, от которой они избавились ценой неимоверных усилий и возвращения которой ждали все эти годы. Нужно посмотреть правде в глаза. Прошное давит на них обоих, они превращаются в немощных больных стариков, у них нет таких сил, как в молодости, нет перспектив. Кошмар возвращался – чем они могут его встретить, когда даже между собой не способны найти общего языка? Федор приходил в ужас от мысли, что теряет Людмилу, а ведь это была далеко не метафора. Посмотрев сегодня ей в глаза, он понял, как много упустил, занимаясь своим бизнесом, уходя в него в попытке остановить время и собственное сползание в бездну. Где-то и когда-то они совершили ошибку, и судь-

ба выставила им двойной счет. Их эскапизм достиг предела, смотреть на проблему сквозь пальцы уже непозволительная роскошь.

Федор боялся и чувствовал усталость. Что он может? Ему сорок девять, но он будто девяностолетний старик. Его пугает каждая тень, каждый незнакомец кажется вестником смерти. Ему снятся страшные сны, и временами становится трудно отличать их от настоящих событий. Людмила уходит на невидимую грань, а у него не хватает смелости и сил удержать ее.

Старик и ребенок, боящийся темноты. В Федоре жили два этих человека. Они дополняли друг друга. Первый боялся настоящих чудовищ, второй – вымышленных, но оба правили бал. Федору было стыдно за себя, именно отсюда происходила его ненависть к жене, от которой он подсознательно ждал поддержки, одобрения, сочувствия. Не оправдывая его ожиданий, Людмила испытывала на себе гнев мужа. Федор ни разу не высказал ей в лицо что думает, однако такой исход был вероятен. Стены, кругом стены.

Федор старался держать своих выросших детей на расстоянии, поэтому не препятствовал их стремлению жить самостоятельно. Людмила одобряла такое решение, хотя напрямую они это не обсуждали. Чем дальше Ольги и Игорь будут от родителей, тем лучше для них, безопасней. По той же самой причине Федор никогда не стремился вовлечь сына или дочь в свой бизнес, не мешал им выбрать собственную до-

рогу. Он сожалел, что судьба сложилась так, но должен был думать, прежде всего, не о себе. Ночами Федора охватывала тоска, горькое сожаление о прожитых годах, стертых временем навсегда. Возможно, это не более чем паранойя, но ведь для него эти чувства были реальными, осязаемыми и вовсе не походили на иллюзию. Он подолгу лежал в полумраке рядом с женой, глядя в потолок, и созерцал мрачные картины в своем мозгу. Сны, в которых Федор превращался в беззаботного мальчика, гонящего на велосипеде по мокрой желтой листве, приносили не только облегчение, но и боль. Просыпался он после них с невероятным чувством скорби и перед тем, как проснуться, слышал и чувствовал собственный плач.

Обо всем этом он думал, читая газету перед ужином. Его глаза скользили по строчкам, а мозг ухватывал только крошечные обрывки информации.

Федор не ощущал собственного сердца, все само пришло в норму. Можно было расценить это как хорошее предзнаменование в череде плохих, с которыми он столкнулся в последнюю неделю.

Людмила стояла у плиты, готовила плов с курицей и овощами. Федор сидел у стены за круглым столиком и посматривал на жену. Она передвигалась по кухне, шаркая истрепавшимися сланцами по линолеуму. Казалось, вообще не поднимала ног.

Федор оторвал взгляд от газеты и посмотрел на Людмилу,

стоящую вполоборота. Она застыла в одной позе и отрешенно уставилась в окно, держа в руке деревянную лопатку. Еда негромко шипела на сковороде.

Федор и понятия не имел, о чем она сейчас может думать. Внутренний мир жены для него давно стал тайной за семью печатями. Халат обтягивал ее бедра, топорщился на груди. Эта картина показалась Федору сексуальной. Фигура Людмилы изменилась, оплыла, но ноги и талия еще были очень даже ничего, он не мог думать о них с неприязнью. Да, вспышка отвращения была, но от нее не осталось и следа, а в эту минуту его гормоны проснулись и начали путешествие по крови. Возбуждение нарастало.

Он снял очки, положил на стол, свернул газету. Людмила откликнулась на шелест, повернула голову.

– Что?

Да, он любил ее. Невзирая на все, что было в прошлые годы. На все секреты, которые они вдвоем оберегали не только от детей, но и от себя.

В молодости Людмила казалась Федору не в меру привлекательной и сексуальной. Игра шла, что называется, на грани фола. Как-то, подвыпив, он назвал ее шлюхой, имея в виду ее сексуальные таланты, и она не обиделась. Людмила действительно умела его удовлетворить, как ни одна женщина не смогла за всю жизнь.

У этой медали была и обратная сторона, но Федор предпочитал ее не замечать.

– Что? – повторила Людмила.

Он оглядывал ее фигуру, надеясь, что она сама все поймет. Людмила улыбнулась, приподняла одну бровь. Из-под той мутной пленки проступило такое знакомое ему выражение. Казалось, стали исчезать с ее лица и признаки увядания.

– Вспомнил молодость? – повторила жена.

– Да, есть немного.

– Немного? Глаза горят, словно я вообще без ничего тут стою.

– А что у тебя под халатом?

Людмила засмеялась, и Федор подумал, что сто лет не слышал этого. Кровь застучала у него в горле.

– Посмотреть хочешь?

Сколько времени у них ничего не было? Подумать страшно.

– А у вас есть что показать?

Людмила с шутливой укоризной покачала головой.

– Некоторые этого вообще не заслужили, по-моему. Ну, так и быть.

Она отложила лопатку для помешивания и стала медленно развязывать халат. Федор четко себе представил ее тело, каким оно было раньше, и как Людмила не стеснялась в жару дома ходить совершенно голой, даже с маленькой Ольгой на руках. Дикое возбуждение ударило в голову. Людмила перевела взгляд на его домашние спортивные брюки и захохотала. Его пенис в считанные секунды выпрямился, встал ко-

лом, да так, что стало больно.

Людмила выпустила пояс из руки, он упал у ее ног.

– Что-то происходит? – спросила она. – Жара виновата? Ты ее вроде не любишь?

– Нет, – сказал Федор. – Плевать на жару...

Лифчика не было, только розовые вылинявшие от стирки трусики. Людмила слегка раздвинула полы халата, не показывая грудь целиком. Федор подумал, не переборщил ли он. Сердце могло не выдержать.

– Ты заставляешь и меня это вспоминать...

– Много чего надо воскресить. И потрянуть стариной, – выговорил Федор. Он пытался угадать по ее глазам, помнит ли она ночные события, что она вообще о них знает, но ничего определенного не нашел. Правда, взгляд жены был другим, горящим, агрессивным – ничего не осталось от мечтательной отстраненности. Откуда-то из небытия появилась знакомая похотливая кошка. Федор вспомнил и эту широкую улыбку, которая всегда немного его пугала и внушала чувство неуверенности. Он наблюдал момент превращения. Оборотничество Людмилы именно сейчас казалось чем-то сверхъестественным.

Она подошла к нему и села на колени, обняв левой рукой за шею.

– Ты смотришь на меня и думаешь, какой я стала страшной и мерзкой, а сам по-прежнему хочешь.

Федор открыл рот.

– Подумай, – перебила Людмила. – Ты давно перестал меня замечать. Могла ли я быть другой?

Вот здесь она права. Федор почувствовал стыд.

– Ты считаешь, что я постарела, подурнела от сидения перед телевизором. Но и ты не помолодел. Ты ведь видишь себя в зеркало!

Федор покраснел, голову точно окутало жаркое облако. Алым зардели уши.

– Так что не осуждай меня. Не смотри в мою сторону, будто на старую грязную собаку, – прошептала Людмила ему на ухо. Ее дыхание жгло.

– Я не смотрел, – Федор прокашлялся.

– Я читаю твои мысли.

Его эрекция не целиком, но опала. Людмила сунула руку ему в брюки и исправила положение. Федор чуть не застыл, мысли путались, их благополучно выдавливала животная похоть.

Она читает его мысли.

Федор почувствовал гул крови у себя в голове, глазные яблоки стремились вылезти из орбит. Он тяжело вздохнул.

– А ведь ты хорошо сделал.

– Что?

– Воскресил меня...

– Как это?

Людмила распахнула халат на груди.

– Какая разница. Я еще не совсем заплесневела. Я кое-что

еще могу. И хочу.

– Я ничего про это не...

Она стиснула его пенис горячими пальчиками, потом поднялась, чтобы заняться пловом. Федор тяжело дышал, обливаясь потом, но был готов наброситься на нее немедленно, сорвать одежду, опрокинуть на пол, придавить.

Людмила права во всем. Читает она мысли или нет, но, видимо, в его взгляде было чересчур много неприязни и злости, которые трудно не заметить. Кого за это винить?

Сомневаться не приходится, оба они виноваты. И все-таки Федор понимал, что его груз вины гораздо больший – даже учитывая, чем Людмила занимается ночами, когда она почти теряет свой нормальный облик. Ее связь с прошлым приобретает материальные очертания, и в ближайшее время это может вызвать катастрофу, должно вызвать.

Сейчас, возможно, это их последний шанс почувствовать друг друга как раньше, насладиться близостью, вспомнить.

Воскреснуть.

Точное слово.

Людмила поглядела на него из-за плеча. И опять будто видела его насквозь.

– Ты потерпишь? Сначала поужинаем. Хочешь растянуть удовольствие, да?

– Да.

– Слушаю и повинуюсь, господин.

Они ужинали, глядя друг на друга, и Федор чувствовал,

как его бедра подрагивают от нетерпения. Кровь летела по жилам, словно он молод и его здоровью ничего не угрожает, а курево и выпивка еще не перешли в разряд губительных привычек. Под халатом жены он различал грудь, не такую совершенную, как раньше, однако эта новая форма казалась ему не менее привлекательной. Это была плоть. Именно плоти ему сейчас и хотелось. Федор не мог думать ни о чем другом, кроме секса. Он ел медленно, подчиняясь невысказанному пожеланию Людмилы, но все в нем клокотало. На его взгляд, вкуса у пищи почти не было.

Они ни о чем не говорили, не испытывая в этом необходимости. Просто угадывали мысли и чувства друг друга. Между ними установилась тесная эмоциональная связь, и Федору казалось, что он совершает путешествие во времени. Много лет назад они сидели вот так же за столом, ели и молча вели беседу, осознавая себя единым целым, прочно спаянными половинками. Ты хочешь? Я хочу! Имей терпение – и получишь награду. Я буду.

Такова была их прошлая жизнь, пронизанная стремлением наслаждаться сексом, ловить каждый момент близости и ценить его. Любовь в их интерпретации. Может, не целиком, но сейчас она вернулась к ним, сломав искусственные границы, возводимые годами и возрастающим непониманием. И страхом от сделанного когда-то. Федор понимал, что корни их беды гораздо глубже, но имел ли он возможность докопаться до правды? Была ли у него смелость во всем при-

знать самому себе? Эти горькие мысли вторгались в его сознание, пробуя вытеснить такие яркие и осязаемые сексуальные образы, и Федор вел борьбу с самим собой, будто измотанный боксер, входящий в последний отчаянный клинч с противником. Он гнал тьму из своего сердца, желая чувствовать только запах плоти. На его глазах Людмила преобразилась. Изменения отчасти пугали Федора. И возбуждали. Сам он будто скидывал наросшую за двадцать лет оболочку из старой кожи. Омолаживался, обнажался. Сколько в этом эксгибиционизме было муки и наслаждения, могла понять только жена. За это Федор был спокоен: по ее глазам он догадывался обо всем.

В молодости они занимались сексом по несколько раз в день, и не в состоянии были остановиться. Рождение Ольги особенно не изменило картину. Людмила быстро оправилась от родов, и стала еще более жадной до плотской любви. В перерывах между кормлениями, укладыванием и сменой пеленок они уединялись и наверстывали упущенное. Могли уединиться в туалете, в ванной, на полу в коридоре, даже на балконе, неважно. Один раз Людмила предложила Федору «оттрахать» ее во время кормления дочери, и они занимались любовью в то время, как младенец сосал материнскую грудь.

Так продолжалось до того третьего дня рождения Ольги. С тех пор Федор и Людмила уединялись лишь в спальне, боясь, что ребенок сумеет распознать их действия, если заме-

тит, в правильном ключе. Безумие первых лет спало. Секс был не таким уж частым с тех пор, но по-прежнему жадным и ярким.

Но, разумеется, ничего не бывает вечным. Их жизнь катилась своим непредсказуемым путем. Бизнес стал отнимать много времени в последующие годы, и Федор отдалился от жены. Было много чего другого, о чем неприятно вспоминать, и сейчас он смотрел на жену и испытывал нечто сродни шоку. На короткое время все вернулось. Вернулась ее власть над ним. Зов ее тела.

Людмила все угадывала по его лицу. Может, фраза про чтение мыслей совсем не метафора? Федор встал и достал из холодильника бутылку белого вина, еле начатую. Предложил выпить, молча налил им обоим. Жена подняла бокал, они чокнулись. В горле мгновенно пересохло, Федора передернуло, но было хорошо, по телу прошла горячая волна. Судя по довольному выражению, Людмиле по-прежнему нравилось сухое белое.

Они тянули время, как могли, их прелюдия была как никогда длинной, сладостно-мучительной. Федору казалось, что он сойдет с ума.

* * *

Его выход из дремоты был сродни падению. Толчок и удар. Он открыл глаза, уставившись в темноту с колотящим-

ся сердцем, и через минуту уже стал различать предметы мебели, запахи, улавливать движение.

Все повторялось. То же самое, что и вчера. Полная идентичность событий и знакомое чувство, будто он по-прежнему находится где-то в стране сновидений и отбивается от наступающих со всех сторон кошмаров. Характерная путаница мыслей и страх.

Вчера в это же время Федор проснулся и почувствовал какое-то движение у себя за спиной, на жениной половине постели. Толчки, всхлипы, тяжелое дыхание. Ничего удивительного, на первый взгляд, не было, Людмила имела привычку постоянно ворочаться и стонать во сне. Этим она, бывало, будила мужа несколько раз за ночь.

Федор не придавал этому большого значения и собирался заснуть опять, но, пролежав несколько минут с закрытыми глазами, понял, что Людмила успокаиваться не хочет. Толчки стали более энергичными.

Лежа в неподвижности, Федор вдруг ощутил дикий страх. Он и представить себе не мог, что там происходит. Обернувшись, он увидел, что на груди его жены сидит какое-то существо, расположилось на корточках, голое, и раскачивается, просунув руку между ног. Людмила, сбросив подушку, запрокинула голову и дышит через рот. На ней не было ночной рубашки, ноги раскинуты.

Федор разинул рот для крика, но не закричал. Его словно превратили в каменную статую – для того, чтобы он мог

только видеть. Все это происходило меньше чем на расстоянии вытянутой руки, однако казалось, что он наблюдает за всем из другого конца длинного коридора. Существо на груди жены рассмотреть в полумраке толком было нельзя, но оно походило на ребенка лет пяти-шести. У него была шарообразная голова, темные волосы, темная кожа, большие выпученные глаза, светившие словно угольки в костре. Федор смотрел, как этот уродец подпрыгивает на груди его жены, и не мог ничего сделать. Людмила принялась стонать. Ее рука подползала к промежности, и пальцы утонули во влажной вагине. Тут маленькая тварь посмотрела на Федора, улыбаясь, поднялась с корточек и продемонстрировала огромный фаллос, никак не подходящий к тщедушной фигуре. Федор напряг все силы, чтобы освободиться, а существо засмеялось – каким же отвратным был этот смех! Его даже сравнить оказалось не с чем, но в то же время в нем звучали знакомые интонации. Людмила согнула ноги в коленях. Собственный член Федора напрягся, он почувствовал запах жены, означающий крайнее возбуждение, но тут же накатил ужас.

Это и придало Федору сил. Он смотрел на повторяющуюся сцену, не понимая, то ли это вчерашнее воспоминание-сон, либо это происходит сегодня, после того, чем они занимались с Людмилой в течение трех часов. Федор с сожалением успел подумать, что, видимо, ей оказалось мало. Карлик с огромным пенисом соскочил с ее груди и пристроился между ног женщины. Людмила вскрикнула. Это было

вчера или сегодня? И где он, Федор, находится? Его жена ритмично поднимала и опускала бедра, и голый выродок не заставил себя ждать. Его член вонзился в нее. Вопль жены сбросил Федора с кровати, он упал на четвереньки, чувствуя эрекцию. Казалось, пол утягивает его сквозь себя, размягчается, чтобы проглотить целиком. Федор вскрикнул и вскочил на ноги. В его сознании ревел шквальный ветер, тысячи образов из прошлого вдруг поднялись из своих забытых могил, о существовании которых благополучно забыли. Вот оно, еще одно предзнаменование, привет от когда-то изгнанного кошмара.

Карлик упирался руками в живот Людмиле и двигал бедрами, посматривая на Федора. Нет, вчера он до этого места единственный зритель не дошел – потому что убежал из комнаты, не в силах ничему помешать. И сейчас Федор не понимал, в каком мире находится. Он попробовал ударить карлика, занес руку – и она провалилась в пустоту. Просто не дотянулся, геометрия комнаты обманывала его, а это и есть сон, ужас, кошмар, сюрприз подсознания. Пласты времени и пространства сместились, полотно реальности треснуло по швам.

Федор повернулся и побежал прочь. Точно так же он поступил и вчера, слыша за спиной смех уродца и вскрики жены. Это была пародия на их занятия сексом, искаженная картинка супружеского совокупления, издевательство.

Людмила, скорее всего, не помнила, что произошло, Фе-

дор чувствовал это, полагаясь на отработанный годами нюх. Либо это тщательно просчитанная ложь, заговор против него.

И вот все повторилось.

Его жена спаривается с этой тварью и, похоже, ей нравилось выделять такие телодвижения. Не говоря уже о звуках, рвущихся из открытого рта. Она стала животным. Ее чувственность переходила за грань человеческого, но не в божественную сферу, а назад, во тьму.

Федор выскочил из спальни, кинулся во тьму квартиры. Он бежал, не встречая препятствий, и понимал, что это ненормально. Это же, в конце концов, не спортивный зал. Остановившись, он увидел перед собой балконную дверь, открытую. Коснулся ее, убеждаясь, что она существует, и вышел в ночь.

Снаружи было не больше плюс восемнадцати, но он, голый, не чувствовал прохлады. Над двором, куда выходили окна, светили звезды. Скучное освещение не препятствовало звездному свету. Что удивительно для города, Федор различил рваную ленту Млечного Пути. Небо нередко прочерчивали яркие нити метеоров.

Внутри у Федора поселилась пустота, не осталось даже страха. И как в это можно было поверить? Такая картина годится только для полотна, написанного больным, шизофреником. Но его глаза видели, нос ощущал запах, тело улавливало вибрацию, когда коротышка подскакивал на груди

Людмилы. Это галлюцинация? В таком случае весьма редкая, потому что воздействует на все основные чувства и создает полную иллюзию реальности.

Федор не верил в то, что это сон. Скажем, не только сон. Стоило ли удивляться, если в последнее время он наблюдает не менее странные видения? Это события одного свойства. Облака в виде головы, свое искаженное отражение в зеркале, физиономии на фасадах домов и прочее. А ведь те дегенеративные черты, которые были у карлика, почти повторяют его прошлые видения.

Федор по-прежнему боялся окончательных выводов. Он был суеверен и знал, насколько сильна мысль. Она способна открыть те двери, которые в прошлом были запечатаны намертво и завалены грудями камней. Или уже поздно?

Чем больше он думал, тем больше ситуация прояснялась: уже не имеет смысла прятать голову в песок. Нужно сделать шаг, пока еще что-то можно спасти. Но как? Он вспомнил, что сейчас происходит в спальне, и его посетило кошмарное дежавю. Сколько раз это повторялось? Федор не хотел знать – как заставить себя принять правду? Он не готов признать факты и не способен справиться с этим ужасом. Значит, он попросту трус.

Федор нашел пачку сигарет и закурил, глядя в ночное небо.

Вернувшись в спальню через полчаса, продрогший и усталый, он увидел, что Людмила спит как ни в чем ни бывало,

отвернувшись в сторону окна. Одеяло закрывало ее чуть не с головой. Ни малейшего намека на то, что было. Федор принюхался. Ничего. Только полное ощущение, что его оставили в дураках.

Он постоял возле кровати в пятне тусклого света из коридора. Жена спала крепко и дышала размеренно. Федор стиснул кулаки, его ярость и отвращение вернулись. Любовь превратилась в ненависть. Он словно вывалился в грязи. Теперь, наверное, его кулаки достигнут цели, и будут адресованы этой шлюхе. Она должна понять, что такие вещи даром не проходят. Федор обогнул кровать, подошел к жене и склонился над ней, не понимая, какая сила удерживает его руки. Они рвались выполнить то, что он наметил.

Федор не может.

В конце концов, он не уверен, что ему не приснилось. Несмотря ни на что, гарантий нет.

– Люд, Люда, – прошептал Федор. – Спишь? Люда.

Она не пошевелилась. Муж притронулся к ее плечу, сжал пальцы, потряс.

– Ты слышишь? Люда.

Сон был слишком глубоким, каким она всегда и отличалась. Людмила не отреагировала. Федор стянул с нее одеяло, не совершая резких движений, и увидел, что она одета в ночную рубашку. Успела за то время, пока его не было? А простыни? Не скомканы. В темноте, конечно, не проведешь тщательный осмотр, трудно сказать, есть ли на постели сле-

ды карлика. Но нет и характерного запаха спермы и пота. От Людмилы пахнет обыкновенно. После их занятий любовью они оба принимали душ.

В конечном итоге Федор убедил себя в том, что версия со сном и есть ответ на вопрос. Может, потому, что так было удобней всего. Надо ложиться, сейчас он ничего не добьется. Спать – утро и так будет тяжелое.

Он укрыл Людмилу, выключил свет в коридоре и забрался под одеяло сам. Считал, что долго не заснет, но упал во тьму моментально.

Глава 5

Ольга открыла железную дверь и ступила в узкий неосвещенный предбанник. Слева от нее была соседская квартира. Замок щелкнул, породив долгое эхо в пустом подъезде. Она выделила из связки ключ от своей двери и сунула его в замочную скважину. Два целлофановых пакета переключались в левую руку, правая проделала все нужные движения с точностью робота-манипулятора.

Она с трудом понимала, что происходит. Руки двигались самостоятельно, без подсказки. Мозг временно сдал позиции и отступил глубоко в тень.

Взгляд Ольги в этот момент не выражал ничего, глаза походили на донышки пустых стаканов. Темные очки она где-то умудрилась потерять. Спина и шея ее были выпрямлены, ноги ступали почти не сгибаясь в коленях. Так Ольга шла не меньше двух кварталов от самой помойки, в полубессознательном состоянии петляя по дворам и ни на что не обращая внимания. Дома как будто испарились, уступив место пустыне, где дул горячий ветер.

И вот наконец ее надежное убежище.

Ей нужно было отдохнуть, но сначала смыть с себя грязь, пот, кровь, оценить размер ущерба, который она претерпела. Подумать о том, как жить дальше. Прийти в себя, надеясь очнуться в квартире своей подруги и понять, что не было

никакой беременности, никакого ребенка, а только кошмар, навешанный жарой. Ох, как замечательно все бы сложилось. Домой она поедет днем, с комфортом, а вечером они с Сашей будут гулять или торчать у телевизора и, может, займутся сексом. Она соскучилась, да и он не меньше.

Пробуждения не происходит, а это значит, что подруга далеко, в другом городе. Прокрутить события назад и проснуться не получится.

Ольга входит в квартиру, ставит пакеты на пол, снимает сумку с плеча, аккуратно вешает на крючок. Ощущение покоя и безопасности почему-то не возникает, зато появляется боль в животе, режущая, горячая, там ползет через плоть кусок раскаленного железа.

Ольга утирает ледяной пот со лба.

Никакой это не сон, а разум отказывается контактировать с внешним миром потому, что еще не избавился от шока. Ольга чувствует себя словно внутри тесного пыльного мешка, где нельзя даже как следует повернуться. Если бы у нее были какие-то силы, она бы закричала.

Ольга отлично помнила все, что произошло после родов в туалете торгового центра, и сами роды до мельчайших подробностей. Хотелось бы думать, что эта история произошла не с ней, но тело говорит об обратном. Сознание вопит и посылает сигналы бедствия в пустоту.

Все будет хорошо, думает Ольга, потому что это дом. Собираясь закрыть дверь, она потеряла сознание. Тело сложи-

лось пополам и бухнулось у порога, Ольга несильно удари-
лась головой о стену.

Через несколько минут она очнулась от сильной боли в
желудке. Попытка подняться вынудила ее вскрикнуть, но у
Ольги не было другого выхода, лежать тут целый день она не
может. Добираться до ванной ей пришлось держась за стены.
Рвота полилась в раковину, хотя это громко сказано – рвота.
Вышло немного минеральной воды, мелкие частички пиц-
цы и желчь. Желчи было больше всего. Она заполнила рот и
Ольга, плача, стала отплевываться. Холодная вода смывала
всю эту мерзость в трубу и громко шумела. Ольга тщательно
прополоскала рот и горло, спазмы к тому времени прекра-
тились.

Она уселась на край ванны, чтобы отдышаться, и заме-
тила, что между ног сквозь джинсовую ткань проступила
кровь. Как давно она там? Кто это видел? Ольга в панике на-
чала стаскивать джинсы, и от вида своих ног, покрытых кор-
кой засохшей крови, чуть снова не потеряла сознание. Тру-
сики тоже пропитались свежей кровью. За сегодняшний день
она видела ее столько, сколько не приходилось за всю жизнь.
Дрожащими руками, стараясь избавиться от грязной одежды
как можно быстрее, она сняла оставшееся.

Ольга включила горячую воду, направила кран в ванну и
заткнула сток пробкой. Что бы ни произошло, ей нужна го-
рячая ванна. Если она ее не примет, то сойдет с ума. Плевать
на все, остальное – неважно.

Пока набиралась вода, она нашла целлофановый пакет, сунула в него трусики, джинсы, оставшееся полотенце и ни на что уже не годное платье, в котором приехала. Стирать это она не будет. Проще избавиться. В пакет отправились также использованные тампоны. Ольга старалась не смотреть на то, что делает, – боялась, как бы ее не вывернуло наизнанку.

Завязывая мешок, она услышала в квартире какой-то звук. Шумела вода, и на ее фоне как будто раздавались быстрые легкие шаги. Ольга высунулась в коридор, боясь увидеть Сашу, которому взбрело в голову придти раньше времени. Она не сумеет внятно объяснить, что произошло и происходит. Осталось слишком много улик.

Мелькнула мысль: а ведь шаги не принадлежат взрослому... Слишком частые и какие-то неуклюжие.

Ольга вернулась к завязыванию мешка, ее мутило от запаха крови.

Конечно, шагов не было на самом деле. Обыкновенный звуковой мираж. Ольга твердила себе, что никаких проблем. Сейчас мозг пытается справиться с шоком, а это просто-напросто побочные эффекты. Она и раньше слышала много необычных звуков – так всегда происходит, когда находишься рядом с постоянным источником шума. По большей части мерещатся голоса, сейчас – шаги. Их нет, и не может быть. Мертвецы не возвращаются – всем известная аксиома. Ее ребенок лежит в контейнере за три дома отсюда, и она на сто процентов уверена, что никто не видел, как мешок упал

на дно, затерявшись среди прочего мусора. Ольга соблюдала осторожность. Шок не препятствовал какой-то части мозга хладнокровно продумывать каждый шаг и управлять телом. Она все сделала правильно.

Помойка в том дворе была огорожена с трех сторон бетонным забором. Рядом с ней росли деревья с густыми раскидистыми кронами, гарантировавшие, что даже с девятого этажа никто ничего не заметит. Делая вид, что просто прогуливается, на негнущихся ногах Ольга свернула к помойке. Под защитой деревьев она почувствовала себя немного спокойней. Мешок с трупом тянул к земле, словно в коробке лежал не младенец, а два свинцовых слитка не меньше чем на пятнадцать килограмм каждый. До контейнеров оставалось метра три или чуть больше, но Ольга испугалась, что не пройдет это расстояние. Она чересчур вымотана, у нее болят руки, а от напряжения постоянно возникают боли внизу живота. Вспышки эти кратковременны, однако каждая бьет словно нож. Ольга вся в холодном поту сделала последний рывок к ближнему контейнеру. Подняла ногу на бетонный помост, встала, ловя вибрацию в бедренных мышцах. Огляделась. Ей повезло. Место закрыто от посторонних взглядов, и никто не сможет дать точных показаний насчет того, кто выбрасывал коробку с трупом. Никто не сможет дать вообще никаких показаний, вот в чем загвоздка. Ольга правильно рассчитала. У нее не было угрызений совести, она не могла воспринимать это существо не только как своего ребенка,

но и как человека вообще. Настоящие люди так не рождаются, подобные роды противоестественны. Она не совершала преступления. Ее никто не спрашивал, хочет ли она зачать, хочет ли она родить так. Создание, появившееся из нее, не имеет права жить.

Ольге пришлось взяться за мешок обеими руками, и только тогда она смогла поднять его на нужную высоту и бросить вниз. Мешок зашелестел, перевернулся и проскользнул сквозь каверну в куче старого мусора на дно. Прежде всего Ольге захотелось вымыть руки. Ей казалось, они покрыты вонючей слизью пополам с кровью. Запах мертвечины ударил в нос.

Перехватив другие два пакета, Ольга идет домой, помня о необходимости заметать следы. Она сделала круг, потом другой, по меньшему маршруту, и вошла в свой двор с другой стороны, чем обычно. Неизвестно, откуда у нее хватило сил проделать все это.

Ольга забралась в горячую ванну, не в силах удержать сто-на. Промежность отозвалась болью. Казалось, там содрана кожа и все превращено в кусок рыхлого мяса.

Постепенно она привыкала к высокой температуре, чувство расслабленности начало вытеснять страх и боль. Ольга застонала – на этот раз от удовольствия. Откинула голову на край ванны, закрыла глаза, мысленно наблюдая, как сходит на нет дрожь у нее внутри. Вода окрасилась бурым, стала непрозрачной, но Ольга не обращала внимания даже на

железистый запах, наполнивший комнату. Вспомнилась туалетная кабинка, теперь уже отстоящая от нее на многие и многие световые годы.

Ольга предпочитала думать, что все произошло не с ней. Ей придется столкнуться в будущем с огромным количеством проблем, главная из которых состояла в необходимости примириться с фактами. Она не помнила того, что предшествовало родам, ничего не могла сказать по поводу истинного отца ребенка, но приходила к единственному верному выводу. Зачатие произошло при таких обстоятельствах, которые ее сознание просто отсекло в стремлении сохранить психику в нормальном состоянии. Ольга подверглась насилию – где и когда неизвестно. Ее тело осквернили и бросили на произвол судьбы. Вот с чем ей придется жить. Это придется впустить в свой дом и посмотреть ему в глаза, а потом... сделать все, чтобы оно ушло навсегда. Если все пройдет хорошо, никто ничего не узнает: ни брат, ни родители, ни Александр.

Вот что им действительно ни к чему.

Все пройдет. Она выдержит. Женщина тверже, чем о ней часто думают.

И все-таки ей необходима поддержка. Ольга открыла глаза, охваченная желанием позвонить Саше и попросить его приехать. Ну и что потом? Нет, она не готова. Встретить в таком виде она его не может, и думать нечего. Всего-то и надо подождать до вечера, а пока она приведет себя в порядок,

примет обезболивающее и поспит.

Отличная мысль.

Ольга заснула.

Ей снился контейнер с мусором, на дне которого лежит коробка с мертвым ребенком. Там, за слоем картона, мертвец открывает глаза. Такая коробка есть в каждом контейнере, и когда приезжает мусоровоз, эти маленькие красные чудовища с черными глазами и болтающейся пуповиной падают в кузов машины. Мусоровоз едет по городу, а трупы выскакивают из него и разбегаются, ловко орудуя кривыми ножками. Люди видят их и начинают кричать. К ней прибегает Вера, вся в крови. «Что ты натворила, дура! Они теперь везде! Надо было мне сказать! – вопит она. – Я бы убила тебя. Тогда бы эта мразь не появилась на свет!»

Ольга проснулась и видела, что вода в ванне поднялась до критической отметки и сейчас начнет сочиться на пол. Она вздрогнула и кинулась закрывать кран. Часть воды выплеснулась. Ольга вынула пробку. В трубе зашумело. Темная муть потекла во тьму.

В груди сдавило, под ребрами появилась боль. Ольга приложила руку к сердцу, и только теперь сообразила, насколько тяжелыми стали груди. В них было молоко. Для того мертвеца, который уже гниет внутри обувной коробки.

Ольга замотала головой, таким образом выражая свой протест. Она что-то говорила сама себе и плакала, будто этим могла избавиться от правды и что-либо изменить. Если

Саша не заметит ничего остального, его привлечет величина груди. Он любит прикасаться к ней, ласкать языком соски, теревить, а что будет, если начнет выделяться молоко? Ольга не могла вообразить себе его реакцию. Нет, она ни в каком случае не подпустит его к телу. Придется изворачиваться, врать, что Ольга всегда ненавидела, однако лишь в этом ее спасение.

Ольга потрогала груди в нескольких местах. На них появилась сеточка синих сосудов, чего не было раньше, и вообще они стали всерьез обвисать. Ну и что ей делать теперь?

Она взяла мыло и стала смывать с себя грязь, терла губкой со всей силой, на которую была способна. Через несколько минут остановилась, сообразив, что впала в очередную истерику. Остановись немедленно! Ольга закрыла руками лицо и сидела съежившись. Вода из крана текла в ванную, грязная уходила в сток.

Не будет толку, если постоянно казнить себя за случившееся, а именно это и происходит. На ней нет никакой вины. Что-то вторглось в ее жизнь, Ольга оказалась в неудачное время в неудачном месте – вот в чем проблема. Если удастся сохранить мужество, кошмар потеряет силу, рассеется, как всегда происходит по утрам. Новый день выметет из сердца всю мерзость.

Она, конечно, это понимала, но что делать с тяжелым предчувствием новой беды? С этим бесформенным чудовищем, которое прочно поселилось у нее внутри?

Стиснув зубы, Ольга включила душ, убрала с себя пену и принялась мыть голову. Быстрее бы со всем закончить, крутилось в мозгу. Однажды ей показалось, что приоткрытая дверь ванной двинулась. Она увидела это краем глаза и резко выпрямилась с ощущением, что сердце разорвалось на куски. Какой ширины был зазор? Эти пять-шесть сантиметров или меньше?

Секунду или две она ждала, воображая стоящего по ту сторону порога голого черноглазого ребенка. Ольга помнила свои ощущения, когда положила его на ободок унитаза и надавила на горло. Как ждала его смерти, глядя в темнеющее лицо.

Никого за дверью нет.

Ольга вспомнила о снотворном в аптечке. Она примет лошадиную дозу и проспит до завтрашнего утра. Не пойдет на работу, придумает какую-нибудь причину. Альбина, если что, прикроет. Так же что-нибудь наврет Саше. Придется учиться лгать, с этого дня и до конца жизни. Всем и каждому. Скрывать, что она родила чудовище и убила его в туалете торгового центра, а труп выбросила в контейнер.

Нужно начать с себя. Хорошая ложь самой себе – залог спокойного сна. Только вот где ложь, а где правда, если Ольга даже не помнит, кто отец ребенка?

Лучше не думать об этом сейчас. Воспоминание придет само, когда ему будет нужно. Как это ни страшно, придется признать, что она бессильна.

Разбрызгивая воду, Ольга промыла волосы и стала ополаскиваться целиком, постоянно глядя на дверь. Сердце выбивало агрессивную дробь.

Намотав на голову одно полотенце и завернувшись в другое, Ольга ступила на резиновый коврик перед ванной. Шум воды стих. Она думала о разбухшей груди и вспомнила, что у ее подруги, не то что бы близкой, есть прибор для отсоса молока. Хорошо бы его раздобыть. Главное, чтобы вещь была на месте, а правдивую историю она сочинит. При соблюдении мер предосторожности Саша ничего не узнает.

Время уходило стремительно. Посмотрев на часы, Ольга поняла, что его не так много, как раньше казалось. Она побежала в спальню и схватила фен. Пока сушила волосы, перехватила бутерброд, стакан сока и приняла обезболивающее. Самочувствие можно было назвать нормальным. Ольга боролась со сном, и, пожалуй, это была самая тяжелая борьба за весь день. Лекарство делало свое дело.

Она оделась и через полчаса, окончательно не просохнув, выскочила из дома. Подруга сказала ей по телефону, что аппарат у нее, и поинтересовалась, для чего он ей. Ольга сказала, что для одной знакомой. Этого оказалось достаточно.

По пути Ольга выбросила в соседнем дворе мешок с окровавленной одеждой.

* * *

Вернувшись домой через час, она поняла, что бороться с дремой больше не может. Одежду Ольга разбросала по комнате, а пакет с аппаратом до поры до времени сунула под кровать. Снотворное не понадобилось, она заснула моментально.

Веки сомкнулись. Ее закружило, утягивая в темноту. Падение не было болезненным и больше всего напоминало плавное скольжение оторвавшегося от ветки листа.

* * *

Когда движение прекратилось, Ольга ощутила себя в странно знакомом мире.

Не узнать это место было невозможно.

Она видела дом, где когда-то жила ее семья. Черновы переехали на новое место в тот год, когда Ольга закончила школу, но свое детство девочка провела именно здесь. Память восстанавливала декорации прошлого на ходу, вызывая ни с чем не сравнимое чувство повторяемости событий. Ольга не могла бы объяснить это на словах.

Она вышла из машины – наверное из такси – и оказалась под большущей березой, что росла напротив их балкона.

Трехэтажный дом на два подъезда стоял у самого перекрестка. Покатая шиферная крыша, светло-коричневая выцветшая краска на фасаде. Во сне она не выглядела облупившейся, как, должно быть, выглядит сейчас. С момента переезда прошло десять лет, а воспоминания, пришедшие к ней во сне, удивительно яркие.

Летом их уголок утопал в зелени, точно на краткое время здесь вырастал самый настоящий лес. Солнце и свежий воздух создавали иллюзию жизни на природе, но впечатление портили машины. Днем и ночью от них не было спасения. Грохотали автобусы и грузовики, визжали мотоциклы, и все они выдували облака выхлопных газов. Спасала местных жителей только буйная растительность. Березы, клены, тополя, кустарник. Часто в дождливое влажное лето казалось, что живешь в южноамериканской сельве. Ольга с удивлением обнаружила, что помнит все. Игорь играет во дворе с парнями из дома напротив, они, девчонки, сидят на скамеечке и болтают о всякой ерунде. Носятся собаки, кошки выслеживают кого-то в траве, поют птицы. Летними вечерами над крышами с чириканьем кружат стрижи. Полная луна выполняет медленно, и ее видно с их балкона, когда начищенный до блеска медный щит встает над крышей дома, стоящего через дорогу.

Безмятежность сменяется тревогой. Ольга не понимает, как могла здесь оказаться. Она чувствовала под ногами асфальтовую дорожку, вдыхала запах испарений от земли и

умытых дождем листьев. В глубине души она радовалась возвращению, но главный вопрос не шел у нее из головы.

Почему она здесь?

Ольга посмотрела в обе стороны, но никого не увидела. Улица была пуста. Но, оказалось, это не единственная странность.

Тишина. На дороге не грохотали машины, на перекрестке не собирались пробки, хотя сейчас день и движение должно быть оживленным.

Ольге не хватает воздуха, хотя дует свежий ветерок. Это сон, это не по-настоящему...

Если ей снится дом, значит, в этом есть определенный смысл. Вероятно, память хочет окружным путем выйти на воспоминание о сегодняшнем дне, кто знает. Иногда Ольга спрашивала себя, что она помнит из детства, и почти всегда этот вопрос ставил ее в тупик. Что? Не больше чем какие-то обрывки. Самых четких снимков из той жизни едва наберется дюжина. Рассматривать их было приятно, но этого явно недостаточно, чтобы составить себе представление о детстве. Раньше Ольга списывала это на некий «постшкольный» синдром, ощущения человека, который наконец пробился во взрослую жизнь, сознательно поставив крест на всем, что было до того, считая это постыдным и глупым. Если грешки действительно имели место, то память и вовсе отсекала часть прошлого. Ампутировала, словно пораженную гангреной конечность. Отвергнутые воспоминания исчезали.

Находя разрозненные снимки из своего детства вместо длинного красочного фильма, Ольга думала, что виновата сама. Окончив школу и собираясь поступать в ВУЗ, она велела себе забыть все. Испытывала чувство неловкости даже перед самой собой и лишь спустя пять или шесть лет понемногу стала оглядываться назад. Результат не утешал. Из этого периода у нее остались только два настоящих свидетельства: Альбина и Вера. Первая когда-то жила в соседнем подъезде, вторая – в пятиэтажке напротив. Из всей девчоночьей компании их возраста они вдвоем не потеряли друг с другом контакта. Буквально вчера, разговаривая с Верой, Ольга испытывала некий стыд. Вера помнила гораздо больше, чем она. Из нее так и сыпались подробности. Кое-где, конечно, Вера привирала, но в целом ее багаж был куда более емким. Уезжая, Ольга хотела задать ей множество вопросов, главный из которых звучал примерно так: почему у меня этого нет? Но она промолчала – и сама не знала почему. Ольге нечем заполнить каверны в своей памяти. Пока во всяком случае. Этот ее сон, вероятно, является придорожным указателем, на котором написано, куда двигаться. С другой стороны, Ольга не различает обращенного к ней послания. Она вынуждена двигаться наугад.

Хорошо. Не будем торопить события. Может быть, разгадка неподалеку.

Ольга посмотрела на свой балкон, до сих пор знакомый до мельчайшей детали. На нем они часто играли с подружка-

ми в дочки-матери или резались в дурачка. Картинки были тусклыми, Ольга отмечала лишь общие контуры воспоминаний. Каждый раз, когда появлялось нечто новое, по спине пробегала дрожь. Ольга вспомнила их кошку, которая однажды спрыгнула с этого самого балкона и исчезла без следа. Искали они ее две недели, а потом бросили. Никто и никогда этой кошки не видел. Ольга плакала. Говорила, что никогда больше не заведет ни одно животное. Обещание свое сдержала.

Ольга двинулась в сторону угла дома, прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Казалось, жители окрестных домов собрались вместе и ушли. Дом их выглядел безжизненным. Открытые форточки, балконные двери, покачивающееся на веревках белье – и нигде ни одного человека.

Ольга обогнула дом и увидела тропинку, протоптанную через газон к их подъезду. Все как раньше, ничего не изменилось. Ступаешь на нее и идешь под окнами первого этажа. Ольга проделала этот путь не без труда. Чувство узнавания пугало ее все сильнее. И кто она сейчас? Та девочка-подросток, потерявшая кошку? Или взрослая женщина, с которой случилась беда? Кому из них больше нужна помощь? Для чего это все?

Ольга на цыпочках прошла по асфальтовой кромке под окнами первой квартиры. Подъездная дверь распахнута настежь. Она остановилась, глядя во двор. Там тоже не было ни души. Детская площадка выглядела словно старое печально

привидение, на которого никто не обращает внимания. Пенек, старики из соседних подъездов играли в шахматы допоздна, напоминает мертвого карлика. Ольга почувствовала, как сжимается сердце.

Она перевернулась на правый бок и застонала. Ветер во-
рвался в спальню, поднял парусом занавеску.

Ольга набрала полную грудь воздуха. Прошрое кажется мертвым. Так зачем ей здесь быть? В вещие сны она не верила никогда и сейчас пыталась расправиться с такой глупой мыслью. Сновидения достаточной степени реалистичности, но показывающие фантастические картины, могут вводить в заблуждение. В попытке объяснить все нелепости начинаешь искать символы и знаки.

Тем не менее, Ольга задумалась всерьез. Пересилить себя не сумела.

Она переступила через металлический порог и оказалась в подъезде. Узнаваемый запах, полумрак, тишина. Скорее всего, в квартирах никого нет, они брошены. Зачем? Что их всех могло сорвать с места? Ольга дошла до площадки первого этажа, не зная, что делать дальше. В глубине себя она искала ответ на вопрос. Все указывало на единственное: надо идти домой. Что-то влекло ее наверх все сильнее. Почти ничего не видя, Ольга механически переступала ногами, пока не услышала над собой голос:

– Постой, не торопись.

Ольга отпрянула и чуть не потеряла равновесие на сту-

пеньках. Схватила за стену рукой. Наверху, перегораживая путь к квартире, стояла девочка-подросток, одетая в потертые джинсы и полинялую футболку. Длинные рыжеватые волосы заплетены в косу, глаза внимательные и встревоженные.

Не может быть, подумала Ольга, это же я сама.

– Ты не думаешь о последствиях, – сказала девочка. – Зачем тебе туда идти? Остановись. Подумай.

Мир вокруг Ольги вращался со скоростью центрифуги. Она видела и слышала себя, и это казалось в порядке вещей.

– Ты кто?

– Этот вопрос обязательно должен прозвучать? Как дань традиции? Хорошо, пусть так. Я – это ты. Да ты и сама догадалась.

– И как получилось...

Девочка дернула головой, разозлившись.

– Ты стоишь на ничейной земле. Ты пришла сюда, а потом еще и удивляешься?

– Но я... ничего не понимаю... Я легла поспать, отдохнуть, а потом попала сюда. Я не хотела...

– Поверь, ты хотела. Я знаю.

– Что за ничейная земля?

– Кромка между мирами, по которой можно попасть в прошлое. Чаще всего люди путешествуют туда во снах. Как в твоём случае.

– Потусторонний мир?

– Нечто вроде того, но не совсем. Здесь еще можно что-нибудь исправить, а за чертой уже нельзя, – сказала девочка.

Обе они не двигались с места. Ольга-подросток наверху, Ольга-взрослая внизу. Между ними существует невидимая прочная мембрана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.